

Н. Сумцовъ

ЭТЮДЫ

ОБЪ

А. С. ПУШКИНЪ.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“

Вып. II-й.

ВАРШАВА.

—
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОБРУТА.
Королевская № 13.

—
1894.

Предисловіе ко 2-му выпуску.

Во второй выпускъ входятъ: „Сонетъ“, „Кто знаетъ край“, „Казакъ“, „Гусаръ“, „Аріонъ“, „Дорожныя жалобы“, „Брожу ли я“, „Чудный сонъ“, Стихи сочиненныя ночью, Стихи о лампадѣ, „Мадонна“ и „Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный“. „Сонетъ“ и „Кто знаетъ край“ разсмотрѣны съ двухъ точекъ зрѣнія, историко-литературной и педагогической, остальные стихотворенія — исключительно съ историко-литературной. О педагогическомъ значеніи стихотвореній Пушкина я говорю мимоходомъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда на мой взглядъ драгоцѣнное въ педагогическомъ отношеніи стихотвореніе, по отсутствію надлежащей критики и правильной научной оцѣнки, находится въ пренебреженіи и забросѣ. Дополненія и поправки, если понадобятся, будутъ напечатаны въ концѣ выпуска.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 20 ноября 1894 года.

VII.

Сонетъ.

Въ 1830 г. въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (№ 8) напечатанъ „Сонетъ“ въ видѣ посланія къ ** съ эпиграфомъ изъ Уордсворта „Scorn not the sonnet critic“. Стихотвореніе это замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны это краткая, но цѣльная и выразительная исторія сонета; съ другой это — образчикъ оригинальнаго поэтическаго творчества при наружной формѣ подражанія. Съ этихъ двухъ сторонъ мы и рассмотримъ сонетъ Пушкина:

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливальъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекаль.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуетъ идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Швецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключаль.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забываль
Гекзаметра священные напѣвы.

Терминомъ „сонетъ“ принято называть лирическое стихотвореніе, вѣжное, мечтальное, состоящее изъ 14 обыкновенно ямбическихъ стиховъ, раздѣленныхъ на четыре куплета; въ первыхъ двухъ по 4 стиха (quatrain), большею частью по римической формулѣ abba — abba) и въ послѣднихъ по три (терцины, большею частью по формулѣ cdc—dcd или ccd—eed и т. п.). Родина сонета — Италія, итальянская народная поэзія XII вѣка. Древнѣйшимъ писателемъ сонетовъ считаютъ Ферначіо (ок. 1200 г.). Дантъ, какъ Пушкинъ удачно выразился, не презиралъ сонета, о чемъ краткія свѣдѣнія см. во II т. Ист. всеобщ. литер. *Корша* и *Киртичникова* (на стр. 800 переведенъ по-русски одинъ сонетъ Данта). Блестящее развитіе сонетъ получилъ у Петрарки, который написалъ 217 сонетовъ почти исключительно любовнаго содержанія (ib. II, 838). Въ XVI в. сонетъ проникъ во всѣ западно-европейскія литературы, между прочимъ и въ нѣмецкую поэзію, не смотря на непригодность нѣмецкаго языка для такой легкой формы поэзіи. Въ XVII и въ началѣ XVIII в. въ Германіи сонетъ почти совсѣмъ исчезъ; но во второй половинѣ XVIII в. выдающіеся нѣмецкіе поэты (Бюргеръ, Гете, Шиллеръ и др.) снова вводятъ его въ употребленіе (*Brockhaus*, *Konv. Lexicon* XIV, 925; *Pierers*, *Konv. Lexic.* XI, 1031). Въ Англии сонеты писалъ Шекспиръ; его сонеты обращены—одинъ къ какому-то неизвѣстному другу, другіе — къ любимой коварной женщинѣ; въ третьихъ рѣчь идетъ объ общихъ вопросахъ жизни и счастья (*Корша* и *Киртичн.* т. III, 562—566). Изъ славныхъ западныхъ поэтовъ сонеты писалъ еще Камюэнсъ, въ то время, когда онъ томился въ изгнаніи (въ 1556 г.) на границѣ Китая (ib. 438). О Камюэнсѣ, какъ авторѣ сонетовъ, упоминаетъ Уордсвортъ, а съ его словъ и Пушкинъ. О происхожденіи и развитіи сонета въ разныхъ западныхъ литературахъ есть спеціальныя изслѣдованія—Томлинсона 1874 г., Вельти 1884 г. и Лентцнера 1886 г.

(упом. въ Энциклоп. словаряхъ *Брокгауза* XIV, 925 и *Пирерса* XI, 1031).

Чтобы опредѣлить значеніе „Сонета“ Пушкина, нужно предварительно опредѣлить въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ сонету Уордсворта, что означаетъ эпиграфъ „Scorn not the sonnet“—переводъ стихотворенія англійскаго поэта, подражаніе ему или общую идею. Въ числѣ сонетовъ Уордсворта оказывается дѣйствительно сходный, послужившій для Пушкина поводомъ къ составленію разбираемаго нами стихотворенія.

Scorn not the sonnet, critic; you have frownêd,
Mindless of its honours; with this key
Shakspeare unlocked his heart; the melody
Of this small lute gave ease to Petrarch's wound;
A thousand times this pipe did Tasso sound;
With it Camöens soothed an exile's grief;
The sonnet glittered a gay myrtle leaf
Amid the cypress with which Dante crowned
His visionary brow: a glow-worm lamp,
It cheered mild Spenser, colled from Faery-land
To struggle through dark ways; and, when a damp
Fell round the path of Milton, in his hand
The Thing becam a trumpet; whence he blew
Soul — animating strains — olas, too few!
(*Wordsworth*, *The poetical works*, изд. 1841, III, 50).

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: „не презирайте сонета, критикъ; вы нахмурили брови; но вы забыли о его заслугахъ: этимъ ключомъ Шекспиръ открывалъ свое сердце; мелодія этой маленькой лютни успокаивала раны Петрарки. Тассъ многократно извлекалъ звуки изъ этой свирѣли; Камюэнсу она служила утѣшеніемъ въ горестные дни изгнанія; сонетъ блестялъ яркимъ миртовымъ листикомъ въ кипарисномъ вѣнчѣ, украшавшемъ многодумное чело Данта; какъ свѣтлякъ, сонетъ услаждалъ мягкаго Спенсера въ борьбѣ на темномъ пути жизни; когда уныніе покрыло стезю Мильтона, въ его рукахъ сонетъ сталъ трубой, изъ которой

онъ извлекалъ усладительные звуки, жаль что малочисленные“.

Англійскій поэтъ Уордсвортъ (1770—1850)— глава такъ называемой „озерной школы“ поэтовъ, или лэкистовъ (Кольриджъ, Соути и др.)— принадлежитъ къ числу поэтовъ-философовъ. *Шерръ* во „Всеобщей истор. литер.“ (438 стр.) даетъ такой неблагоприятный отзывъ о поэзіи Уордсворта: „Его религіозно-философскія изліянія по большей части очень избиты и тривіальны; его старанія о простотѣ и естественности часто крайне искусственны и вообще поэтическая его сила очень незначительна“. Болѣе подробную и болѣе вѣрную оцѣнку поэзіи Уордсворта см. во „Всеобщ. ист. литер.“ *Корша* и *Киртичникова* III, 598—601 и въ особенности въ обширной статьѣ *Брандеса* въ Исторіи англійск. литерат. XIX в., стр. 43—79. Брандесъ даетъ довольно высокую оцѣнку поэзіи Уордсворта, преимущественно за любовь къ природѣ и натурализмъ. Уордсвортъ написалъ около сотни сонетовъ разнообразнаго содержанія, религіозныхъ, историческихъ, болѣею частью съ описаніями внѣшней природы. Часть лучшихъ сонетовъ выдѣлена въ особую группу и посвящена прославленію свободы.

Громадное превосходство Пушкина надъ Уордсвортомъ обнаруживается уже на ихъ сонетахъ о сонетѣ. Пушкинъ взялъ у англійскаго поэта часть содержанія и далеко его превзошелъ по ясности, цѣльности, послѣдовательности и силѣ. Въ распредѣленіи поэтовъ, писавшихъ сонетами, У. не соблюдаетъ никакого порядка, ни историческаго, ни хронологическаго, ни національнаго. Поэты эти идутъ у него въ такомъ порядкѣ: англичанинъ Шекспиръ († 1616), итальянецъ Петрарка († 1374), его землякъ Т. Тассо († 1595), португалець Камоэнсъ († 1579), итальянецъ Дантъ († 1321), англичане Спенсеръ († 1596) и Мильтонъ († 1674)—семь поэтовъ (три итальянца, три англичанина и одинъ португалець). Въ упоминаніи о нихъ мало характернаго. Въ отзывахъ У.

о Дантѣ, Спенсерѣ и Мильтонѣ есть кое-что, напоминающее ихъ жизнь; но о Шекспирѣ сказано совершенно неопредѣленно, что сонетъ былъ для него ключемъ, которымъ онъ отпиралъ свое сердце, о Петраркѣ столь же туманно, что сонетъ залѣчивалъ его раны, о Тассо еще съ большей неясностью, что онъ часто игралъ на этой свирѣли.

Обращаясь къ сонету Пушкина, нужно прежде всего отмѣтить слѣдующія характерныя его особенности. Изъ 7 поэтовъ Уордсворта Пушкинъ взялъ четырехъ — Данта, Петрарку, Шекспира и Камоэнса и всѣхъ ихъ помѣстилъ въ первомъ куплетѣ, въ который такимъ образомъ вошелъ весь сонетъ У.; далѣе Пушкинъ прибавилъ самого Уордсворта, затѣмъ Мицкевича и, наконецъ, Дельвига. Такимъ образомъ и у Пушкина вышло 7 поэтовъ, только совѣмъ въ другомъ размѣщеніи: итальянцы Дантъ († 1321) и Петрарка († 1373), англичанинъ Шекспиръ († 1616), почти современникъ его португалець Камоэнсъ († 1579), англичанинъ Уордсвортъ († 1850), современники его полякъ Мицкевичъ († 1848) и русскій Дельвигъ († 1831). Получается совѣмъ другая историческая картина: въ началѣ поставлены главные представители сонета — итальянцы, на родинѣ которыхъ и выросъ сонетъ, которые впервые ввели его въ литературный обиходъ, затѣмъ слѣдуютъ главные представители сонета въ литературахъ португальской, англійской, польской и русской. Тассо, Мильтонъ и малоизвѣстный Спенсеръ оставлены въ сторонѣ.

Обратимся къ деталямъ: Первая характеристика „Суровый Дантъ не презиралъ сонета“—краткая и сильная. Въ сонетѣ У. сказано подробнѣе и яснѣе. Здѣсь прямо указано, что Дантъ писалъ сонеты; но самый образъ У.—лавровый листъ въ кипарисномъ вѣнкѣ — отзывается искусственностью. Эпитетъ „суровый“ къ автору Божественной Комедіи вполне идетъ; онъ болѣе говоритъ мысли читателя, чѣмъ загадочное „visionary brow“ (задумчивое, мечтальное чело).

Вторая характеристика—„Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ“—гораздо полнѣе и точнѣе выраженія У., что сонетъ облегчалъ раны Петрарки. Имя Петрарки неразрывно связано съ мыслью о любви, о любовной поэзіи, и самое слово любовь необходимо должно входить во всякую оцѣнку Петрарки. Одного упоминанія о ранахъ недостаточно, такъ какъ раны могутъ быть отъ разныхъ причинъ и разныхъ ранъ.

Третья подробность изъ исторіи сонета—„Игру его любилъ творецъ Макбета“, очевидно, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе содержанія, чѣмъ выраженіе У. о сонетѣ, какъ ключѣ, опирающемъ сердце. Сердца бывають различныя и еще болѣе различныя ключи къ сердцу. У Пушкина очевидно противоположеніе — съ одной стороны мягкое, нѣжное, чувствительное, выражаемое сонетомъ, съ другой—мрачное, трагическое, выражаемое въ лицѣ Макбета.

Четвертая подробность — „Имъ скорбну мысль Камознсъ облекалъ“ — почти буквальный переводъ „With it Samoëns soothed an exile's grief“. У. указываетъ на одинъ печальный моментъ въ жизни Камознса—на ссылку его на границу Китая въ Макао въ 1556 г.; но Камознсъ и по возвращеніи на родину влачилъ несчастную жизнь и умеръ въ крайней бѣдности. Вообще, это былъ одинъ изъ несчастнѣйшихъ людей, и нѣтъ надобности скорбную его мысль связывать исключительно съ его изгнаніемъ.

Первымъ куплетомъ и заканчивается у Пушкина историческая характеристика сонета, и далѣе, въ остальныхъ 10 стихахъ, слѣдуетъ уже современность (для Пушкина).

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:

Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,

Когда вдали отъ суетнаго свѣта

Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Здѣсь Пушкинъ разумѣлъ тѣ сонеты У. — а такихъ у него большинство—гдѣ прославляется природа, море,

озера, величіе и благость Творца. У. писалъ свои сонеты, или проживая въ деревнѣ, или вдали отъ родины во Франціи.

Лучшая строфа, по художественности и оригинальности, третья, посвященная Мицкевичу. Эта строфа дополняетъ извѣстное стихотвореніе Пушкина о Мицкевичѣ (1834 г.), уже неоднократно привлекавшее къ себѣ вниманіе критиковъ (Зеленецкаго, Спасовича и др.).

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной

Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный

Свои мечты мгновенно заключалъ.

Въ этихъ стихахъ выражено уваженіе Пушкина къ Мицкевичу, что вполне гармонируетъ и съ стихотвореніемъ 1834 г. „Онъ между нами жилъ“. Пушкинъ писалъ свой сонетъ въ Москвѣ, и ему пріятно было вспомнить о той отдаленной Тавридѣ, гдѣ онъ десять лѣтъ назадъ провелъ нѣсколько счастливыхъ недѣль. Рѣчь идетъ, очевидно, о „Крымскихъ сонетахъ“ Мицкевича, столь обильныхъ живописными картинами крымской природы. Слова „пѣвецъ Литвы“ указываютъ на обращеніе Мицкевича къ Литвѣ въ сонетахъ „Stepy akermaniskie“ и „Pielgrzym“. Въ отрывкѣ изъ путешествія Онѣгина по Крыму.

Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный

И посреди прибрежныхъ скалъ

Свою Литву воспоминалъ...

Послѣдній куплетъ сонета имѣетъ прямое отношеніе къ исторіи русской литературы. Здѣсь отмѣчено, что въ русскую литературу сонетъ былъ введенъ Дельвигомъ.

У насъ еще не знали его дѣвы,

Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ

Гекзаметра священные напѣвы.

Дельвигъ написалъ шесть сонетовъ—„Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье“ (1822 г.), „Златыхъ кудрей пріятная небрежность“, „Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ“, „Младой пѣвецъ“, „Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ“ (1825) и „Что вдали блеснуло“ (1827).

Всѣ они написаны по римической формулѣ: abba—abba—cdd—ccd. По содержанію сонеты Дельвига бѣдны; въ нихъ мало поэтической силы. Лучшіе—„Въ Испаніи Амуръ“ и „Вдохновеніе“. Пушкинъ 16 ноября 1823 г. писалъ Дельвигу: „Надняхъ попались мнѣ твои прелестныя сонеты; прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностью за вдохновенное воспоминаніе нашей дружбы. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго“. Послѣднія строки вызваны слѣдующей строфой Дельвига въ сонетѣ „Младой пѣвецъ“ (посланіе къ Языкову):

Я Пушкина младенцомъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я услышалъ его пѣнье
И за себя боговъ благословилъ.

Пѣвца Пировъ (т. е. Баратынскаго) я съ Музой
подружилъ

И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Пушкинъ часто упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ о Дельвигѣ. По смерти Дельвига Пушкинъ писалъ Плетневу: „Я зналъ его (Дельвига) въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому мы еще не отдали должной справедливости. Съ нимъ я читалъ Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить“. Пять лѣтъ спустя послѣ смерти Дельвига Пушкинъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній „Художнику“ (1836 г.) писалъ: „Грустенъ гуляю (по мастерской художника): со мной добраго Дельвига нѣтъ; въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ“. И такъ Дельвигъ упомянулъ въ сонетѣ о Пушкинѣ, и Пушкинъ также въ сонетѣ воздалъ должное своему другу Дельвигу.

Пушкинъ считалъ сонетъ стѣснительной формой („размѣръ его стѣсненный“). Онъ написалъ въ 1830 г. три сонета: „Поэту“, „Мадона“ и „Сонетъ“ и болѣе не возвращался къ этой стихотворной формѣ. Рима пуш-

кинскихъ сонетовъ игрива и разнообразна. Сонетъ „Поэту“ по приемамъ соотвѣтствуетъ формулѣ—abab—abba—ccd—eed; сонетъ „Мадона“ — abba—abab—ccd—ede; „Сонетъ“ — abab—abab—ccb—dbd.

Не одинъ Пушкинъ считалъ сонетъ стѣснительной формой. Его современникъ и другъ кн. П. А. Вяземскій въ 1827 г. писалъ по поводу Крымскихъ сонетовъ Мицкевича, что сонетъ „налагаетъ иго“. Изъ числа сонетовъ, наиболѣе раннихъ и лучшихъ, вѣроятно, вызванныхъ сонетами Пушкина, отмѣтимъ здѣсь лишь малоизвѣстный — Я. К. Грота „В. А. Жуковскому“, написанный въ 1838 г. и напечатанный лишь въ XXXII томѣ Сборн. Акад. Наукъ 1883 г. (стр. 30) и превосходный сонетъ Катенина 1835 г., изданный Бартевымъ въ 1881 г. въ „Бумагахъ А. С. Пушкина“ (стр. 67).

VIII.

Кто знаетъ край

- 1 Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
- 2 Незъяснимой синевою,
- 3 Гдѣ море теплою волной
- 4 Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
- 5 Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
- 6 По волѣ гордо разрослись,
- 7 Гдѣ пѣлъ Торевато величавый,
- 8 Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
- 9 Адриатической волной
- 10 Повторены его октавы,
- 11 Гдѣ Рафаэль живописалъ,
- 12 Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
- 13 Послушный мраморъ оживлялъ;
- 14 И Байронъ, мученикъ суровый,
- 15 Страдалъ, любилъ и проклиналъ?
- 16 Италія, волшебный край,
- 17 Страна высокихъ вдохновеній!
- 18 Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
- 19 Твои пророческія сѣни?
- 20 На берегу роскошныхъ водъ,
- 21 Порою карнавалныхъ оргій,
- 22 Кругомъ кого кипитъ народъ,
- 23 Кого привѣтствуютъ восторги?
- 24 Кто идеальной красой
- 25 И томно-нѣжной, и живой,
- 26 Сыновъ Авзоніи плѣняетъ

- 27 И по невелѣ увлекаетъ
- 28 Ихъ пестры волны за собой? . . .
-
- 29 Съ какою легкостью небесной
- 30 Земли касается она!
- 31 Какою прелестью чудесной
- 32 Во всѣхъ движеніяхъ полна!
-
- 33 На рай полуденной природы,
- 34 На блескъ небесъ, на ясны воды,
- 35 На чудеса святыхъ искусствъ
- 36 Въ стѣсненѣ вдохновенныхъ чувствъ
- 37 Душевный взоръ она возводитъ,
- 38 Дивясь и радуясь душой —
- 39 И ничего передъ собой
- 40 Себя прелестнѣй не находитъ.
- 41 Стоитъ ли съ важностью очей
- 42 Предъ Флорентійской Кипридой:
- 43 Ихъ двѣ и мраморъ передъ ней
- 44 Страдаетъ, кажется, обидой.
- 45 Мечты возвышенной полна,
- 46 Въ молчанѣ смотритъ ли она
- 47 На образъ нѣжной Форнарины
- 48 Или Мадоны молодой:
- 49 Она задумчивой красой
- 50 Очаровательнѣй картины.
- 51 Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
- 52 Горя восторгомъ умиленнымъ,
- 53 Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
- 54 Предастъ потомкамъ изумленнымъ
- 55 Ея небесныя черты?
- 56 Гдѣ ты ваятель безымянный
- 57 Богини вѣчной красоты?
- 58 И ты, харитою вѣнчанный,
- 59 Ты, вдохновенный Рафаэль?
-
-

Это стихотворение написано въ 1827 г., а издано впервые лишь черезъ 11 лѣтъ въ Современникѣ 1838 г., т. IX, по смерти Пушкина. Въ рукописи оно носитъ двойной эпиграфъ: „Kennst du das Land . . . Wilch. Meist.“ и вслѣдъ затѣмъ прибавлено: „По клюкву, по клюкву, по ягоду по клюкву“. Стихотворение, очевидно, не предназначалось для печати. Пушкинъ, какъ поэтъ, натура артистическая, мыслилъ образами, и стихотворение „Кто знаетъ край“ написано мимоходомъ, между прочимъ, при мысли о прекрасной женщинѣ, уѣхавшей въ Италию. Что стихотворение имѣетъ, такъ сказать, домашній характеръ, на это указываетъ второй его эпиграфъ и еще болѣе указываетъ невыдержанность самого стихотворения, его незаконченность, скачки въ ходѣ мысли, повторенія въ именахъ, образахъ и выраженіяхъ. Этими недостатками стихотворения нужно объяснить его отсутствіе въ учебныхъ хрестоматіяхъ. Не попало оно должно быть по тѣмъ же причинамъ и въ комментированное изданіе стихотвореній Пушкина г. Льва Поливанова, предназначенное „для семьи и школы“ (1887 г.). При всемъ томъ Пушкинъ такой крупный поэтъ, нравственно-воспитательное значеніе его поэзіи такъ велико, что всякая урѣзка или устраненіе того или другаго его стихотворения изъ семьи и школы должно быть оговорено и мотивировано. И въ настоящемъ случаѣ огульное устраненіе всего стихотворения неосновательно; при этомъ остракизму подвергается кое-что существенно важное въ педагогическомъ отношеніи, полезное именно для школы. Это — „кое что“ — первые 17 стиховъ, заключающіе въ себѣ прекрасную картину Италиі — краткую характеристику ея природы и исторіи. Все остальное не имѣетъ крупнаго значенія, по загадочности, неясности, невыдержанности образовъ, по тяжеловѣсности самихъ стиховъ (напр., „въ стѣсненьѣ вдохновенныхъ чувствъ“, „душевный взоръ она возводитъ, дивясь и радуясь душой“). Въ остальныхъ стихахъ (18—59) много разнаго балласта — „пророческія сѣни“, „карнавальныя оргіи“,

„харитой вѣнчанной“, вообще много такого, что требуетъ бесполезныхъ въ педагогическомъ отношеніи комментариевъ. Другое дѣло — первые 17 стиховъ. Надъ ними нужно остановиться, и они заслуживаютъ детальнаго разбора. Отъ такого разбора можетъ выиграть не только педагогика, но и исторія литературы, въ смыслѣ уясненія нѣкоторыхъ мелкихъ байроновскихъ чертъ, заимствованныхъ Пушкинымъ.

Начало стихотворения (собственно первый стихъ) возникло подъ вліяніемъ обозначеннаго въ эпиграфѣ прекраснаго гетевскаго „Kennst du das Land“; но этимъ и ограничивается вліяніе послѣдняго стихотворения. Вообще „Kennst du das Land“ стало шаблоннымъ, и съ такимъ началомъ находимъ стихотворения у разныхъ поэтовъ, напр., у Пушкина въ другомъ стихотвореніи „Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы“ (1821 г.), у гр. А. Толстаго „Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ“ и др. Гораздо важнѣе черты байроновскаго вліянія, столь крупныя, что при фактическомъ опредѣленіи байронизма въ поэзіи Пушкина „Кто знаетъ край“ должно занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Правда, это поздній отголосокъ байроновскаго вліянія; но отголосокъ еще сильный. Упоминаніе о Байронѣ явилось результатомъ живаго воспоминанія о Чайльдъ-Гарольдѣ, откуда по памяти взяты мѣста о Т. Тассо и о Кановѣ, о чемъ подробнѣе скажемъ при разборѣ этихъ деталей пушкинскаго стихотворения.

Оставимъ на время въ сторонѣ иноземныя литературныя вліянія, и остановимся на художественной и педагогической сторонахъ первыхъ 17 строкъ стихотворения.

Стихотворение (въ размѣрѣ 1—17 стр.) распадается на три части, тѣсно связанныя между собой, почти неуловимо переходящія одна въ другую: 1) изображенія внѣшней природы, 2) замѣтокъ объ итальянскомъ искусствѣ, точнѣе, о главныхъ его выразителяхъ и 3) заключенія.

Для обрисовки итальянской природы взяты немногія черты, но черты выразительныя, наиболѣе характерныя: а) синее небо, б) теплое море и в) богатая растительность. Эти черты сливаются въ одно прекрасное цѣлое.

а) Итальянское „небо блещетъ неизъяснимой синевой“. Синева, а вмѣстѣ съ тѣмъ чистота и прозрачность воздуха — отличительная черта южныхъ странъ, Италіи, Греціи, Испаніи, черта, поразительная для сѣверянъ. Въ исторіи развитія искусства, которымъ такъ славится Италія, о которомъ далѣе говоритъ и Пушкинъ, прозрачность и синева воздуха имѣютъ огромное значеніе. Въ такой атмосферѣ глазъ легко схватываетъ очертанія предметовъ, выносить точные ихъ образы и воспитывается въ созерцаніи природныхъ красотъ. Уже этимъ природнымъ свойствомъ Италіи достаточно гарантировано высокое эстетическое чувство ея населенія и отчасти обусловлено появленіе въ ней великихъ художниковъ и поэтовъ.

б) Море, характеризуемое великолѣпнымъ эпитетомъ „теплое“, въ слѣдъ за синимъ небомъ, придаетъ итальянской странѣ прелестныя формы. Съ мыслью о тепломъ и спокойномъ морѣ связывается мысль о красотѣ. Теплое и тихо плещущее море въ воображеніи читателя узорчатой каймой охватываетъ живописную страну и блеститъ „то цвѣтомъ вина, то фіалковымъ отливомъ“. Дѣло поэта указать лишь главное, выдающееся въ предметѣ, и читатель по указанному составляетъ представленіе обо всемъ остальномъ. Пушкинъ не ограничился указаніемъ двухъ существенныхъ признаковъ омывающаго Италію моря, теплоты и спокойствія. Онъ прибавилъ еще одну бѣглую черту, придающую, однако, всему стихотворенію высокое поэтическое значеніе. Итальянское море плещетъ „вокругъ развалинъ“, что прямо указываетъ на страну историческую, много пожившую и многое пережившую. Это то самое Средиземное море, которое Тэнъ обрисовалъ такимъ образомъ: „На Герахъ я видѣлъ разъ въ январѣ какъ восходило солнце изъ-за одного

острова; свѣтъ постепенно росъ, наполняя собой воздухъ; вдругъ на вершинѣ одной скалы вспыхнулъ огонь; необъятное хрустальное небо простиралось сводомъ надъ неизмѣримой морской равниной, надъ безчисленнымъ множествомъ мелкихъ струй, надъ могучей синевой однообразной воды, въ которой ручей золота выдѣлялся длиннымъ потокомъ; ввечеру отдаленныя горы принимали отбѣнки мальвы, сирени, чайной розы. Лѣтомъ солнечное освѣщеніе разливаетъ въ воздухъ и по морю такой лучезарный блескъ, что переполненныя чувства и воображеніе какъ-будто оказываются занесенными куда-то въ самое торжество славы; каждая волна горитъ какъ жаръ; воды отливаютъ тонами драгоценныхъ камней — бирюзы, аметиста, сапфира, лаписъ-лазури, которые струятся и движутся подъ всеобъемлющей чистотой и бѣлизной неба“ (Чтенія объ искусствѣ, 3 изд., стр. 374).

в) Богатая растительность Италіи охарактеризована кипарисами и лаврами — дѣйствительно типичными деревьями южной Европы. Мощь природы мѣтко выражена словами, что въ Италіи лавръ и кипарисъ „по волѣ гордо“ разрослись. Пушкинъ съ лаврами и кипарисами ознакомился въ Крыму, „гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ“ („Рѣдѣетъ облаковъ...“ 1820 г.).

Въ 7—13 стихахъ мѣтко охарактеризовано новое итальянское искусство (съ эпохи Возрожденія). О древней и средневѣковой Италіи поэтъ не обмолвливается ни однимъ словомъ. Можно думать, что поэтическая мысль Пушкина не нашла въ древней и средневѣковой Италіи необходимыхъ условій для созданія картины итальянскаго искусства. Древній Римъ прославился не искусствомъ (въ этомъ отношеніи онъ былъ ученикомъ грековъ), а военнымъ устройствомъ и законодательствомъ, — такими сторонами народной жизни, которыя представляютъ мало привлекательнаго для поэта-художника. Средневѣковое итальянское искусство прославлено геніемъ Данта; но съ этимъ титаномъ поэзіи никого нельзя сблизить въ отношеніи живописи и скульптуры. Однимъ именемъ Дан-

та Пушкинъ не могъ удовлетвориться при изображеніи художественной славы Италіи. Въ новой итальянской исторіи не трудно было отыскать крупныхъ дѣятелей по главнымъ отраслямъ искусства, поэзіи, живописи и скульптуры.

Представителемъ поэзіи взятъ Торквато „величавый“ (род. 1544, † 1595), эпическій поэтъ, авторъ „Освобожденнаго Іерусалима“ — христіанско-католической поэмы о первомъ крестовомъ походѣ. Несчастливая жизнь Тасса неоднократно привлекала къ нему поэтовъ, Гете („Тассо“ 1781 г.), Байрона („Жалоба Тасса“ 1817 г.). Пушкинъ неоднократно упоминаетъ о Тассо и всегда со словъ Байрона въ Чайльдъ-Гарольдѣ. Говоря о Венеціи, Байронъ замѣчаетъ: „in Venice Tasso's echoes are no more“ (Tauchnitz, Collection IX 137), причемъ далѣе (ib. 195) поясняетъ, что пѣсни Тассо прекратились съ паденіемъ независимой Венеціи. Это мѣсто засѣло глубоко въ воображеніи Пушкина. Въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“ (1823 г.) Евгенийъ слушаетъ ночью надъ Невой пѣсню лодочника —

Но слаще средь ночныхъ забавъ
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!
Адриатическія волны!
О, Brenta, нѣтъ, увижу васъ,
И вдохновенья снова полный
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.

Эти стихи Пушкинъ писалъ въ Одессѣ, въ виду моря, когда его томило желаніе посѣтить полуденную Европу и Африку

Придетъ ли часъ моей свободы?...
Подъ ризой бурь съ волнами спора,
По вольному распутью моря,
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?...

Пушкинъ жилъ въ это время подъ административнымъ надзоромъ.

Мысль объ Италіи, въ частности о Венеціи плѣнила Пушкина съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ 1823 г. въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ онъ такъ мечталъ:

Ночей Италіи златой,
Я нѣгой наслажусь на волѣ
Съ венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плыви въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

Въ 1827 г. въ подражаніе „Près des bords“ А. Шенье Пушкинъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Готфрида, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Мѣсто о Т. Тассо въ стихотвореніи „Кто знаетъ край“ стоитъ очень близко къ стихотворенію „Близъ мѣстъ“, написано въ одно время, подъ однимъ впечатлѣніемъ. У Байрона говорится, что нѣтъ уже болѣе пѣсней Тасса, а Пушкинъ говоритъ, что онѣ сохранились отчасти, что придаетъ стихотворенію болѣе жизни и поэтичности, причемъ пѣлесообразнымъ оказывается участіе адриатическихъ волнъ. У Пушкина нѣтъ хронологической ошибки. Въ двадцатыхъ годахъ въ Венеціи было еще два гондолера, которые знали на память и распѣвали отрывки изъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса. Теперь

IX.

К а з а н ь .

„Казакъ“ — слабое лицейское стихотвореніе, напечатанное первоначально въ „Росс. Музеумѣ“ 1815 г. № 3. Въ Библиогр. Запискахъ 1858 г. № 10 была сообщена первоначальная редакція по рукописи, сохранившейся у Пушкина, гдѣ при заглавіи была приписка „Подражаніе малороссійскому“. Въ хрестоматіи „Казакъ“ не входитъ. Въ комментированномъ изданіи сочиненій Пушкина г. Поливанова, предназначенномъ для семьи и школы, также нѣтъ этого стихотворенія. Педагогическаго значенія „Казакъ“ не имѣетъ; но въ историко-литературномъ отношеніи это очень любопытное стихотвореніе. Оно открываетъ большое разнообразіе литературныхъ вліяній на Пушкина въ юношескіе его годы. Прежде всего нужно опредѣлить, что означаетъ приписка „подражаніе малороссійскому“, а для этого необходимо привести сначала стихотвореніе Пушкина и затѣмъ подыскать малорусскій его оригиналъ.

Разъ полуночной порою
Съвозъ туманъ и мракъ
Въхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя
Углублялся въ даль.

Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки
Выломанъ заборъ,
Здѣсь дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ.

„Не найду ль въ лѣсу дѣвицы
Думалъ хватъ Денисъ:
Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались“.

Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою—
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица краса.

Храбрый видитъ красу дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—
Вотъ ужъ подъ окномъ.

Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
Выйдь, коханочка, скорѣе;
Напой коня“.

—Нѣтъ! къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.—

„Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!“
—Ночь красавицамъ опасна.—
„Радость не страшись!

Вѣрь, коханочка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!“

Что-же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливъ сталъ казакъ!

Посказали, полетѣли;
Дружку другъ любилъ;
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

Это стихотвореніе представляетъ вольную передѣлку малорусской народной пѣсни объ уводѣ дѣвицы козакомъ. Существуетъ много вариантовъ этой пѣсни — у Чубинскаго V, 207, 231, Головацкаго I 130, Kolberg'a въ „Рокисіе“ II 84, въ *Zbiór wiadomości do antropol. krajoŏw*. Краков. акад. наукъ т. VIII стр. 178, у Омельченка подъ № 1, у Чернявской стр. 150—151 и др. Въ большинствѣ вариантовъ оказываются мазуры или варшавяки, что указываетъ на заимствованіе пѣсни малороссами у поляковъ; но польскія пѣсни этого рода не представляются оригинальными, а представляютъ лишь передѣлку западно-европейскаго пѣсеннаго сюжета объ уводѣ рыцаремъ дѣвицы. Въ другомъ мѣстѣ и по дру-

гому поводу я подробно остановлюсь на этомъ циклѣ пѣсенъ. Теперь же мы ограничимся выборкой тѣхъ малорусскихъ вариантовъ, къ которымъ ближе всего подходитъ „Казакъ“ Пушкина.

Въ „Трудахъ“ Чубинскаго (V 207):
Въ Малор. пѣсняхъ Омельченка (стр. 9):

Зъ-за горы, горы Идутъ мазуры; А мій мазурочокъ Привезе мій виночокъ Зъ чистого злота. Винъ иде, иде Прямо на мій двирь. Стукъ, брязъ въ виконечко, „Выйды, выйды, коханочко, Дай коню воды“. Не велила маты Коню воды дати; Мни матуся заказала, Щобъ я пана не кохала, Матуси боюсь. Матуси не бійсь Сидай на мій визь. Симъ паръ сивыхъ коней, Сама сядьт якъ пани, Та буде моя. Туды ихали Люде пыталы: Ой що то за дивчина, Ой що то за кохана Иде съ панамы. Ой иду жъ я иду Та на свою биду: Есть у его жинка, диты, А на мене молодую	Ой видтиль гора. А видтиль крута— Промыжъ тыми крутыми го- рамы Сходыла зоря. Ой то жъ не зоря, Ой то жъ не ясна, Ой то жъ тая молода див- чина По воду пишла. А я за нею Якъ за зорею Сирымъ конемъ по-надъ сы- нимъ моремъ, По-надъ водою. Да дивчино же моя, Да напій же коня, Съ тии, съ тии крыныченьки, Що холодна вода. Да дивчино жъ моя Сидай на коня, Да поидемъ у чистее поле До мого двора. А въ мого двора
---	--

Любо поглядиты.

Да нема ни кола—
Тилько и родыны, що ку-
щикъ калыны,
Та и та не цвила.

Да калыно жъ моя,
Чомъ ты не цвила?
„Да булы жъ тии лютын мо-
розы—
Цвиту не дала“.

Сравненіе этихъ пѣсень съ „Казакѣмъ“ Пушкина интересно на двѣ стороны. Съ одной стороны оно показываетъ, что уже въ началѣ текущаго столѣтія эти пѣсни были весьма популярны, съ другой—на раннее знакомство Пушкина съ народными пѣснями, даже малорусскими, причѣмъ знакомство съ послѣдними шло какими-то особенными путями, независимо отъ главнаго источника — Арины Родіоновны. Трудно думать, чтобы няня поэта, великороссіянка, знала пѣсню „Ой на гори—гори идутъ мазури“. Нѣтъ данныхъ для опредѣленія, когда и отъ кого усвоилъ Пушкинъ эту пѣсню. Въ передѣлкѣ обнаруживается неудачная великорусская подкраска. Изъ малорусскаго оригинала цѣликомъ взять сюжетъ и нѣсколько выраженій—„коню воды дать“, „сядь на борзаго“, „коханочка, подѣвздь къ окню“.

Въ печати было изслѣдованіе (проф. Н. И. Петрова) о вліяніи Пушкина на малорусскую словесность; но можно поставить вопросъ и объ обратномъ вліяніи; отрицательнаго отвѣта на него не можетъ быть. Пушкинъ зналъ кое-что о Малороссіи еще въ юности до невольнаго переселенія на югъ Россіи. Хотя въ Екатеринославѣ Пушкинъ пребывалъ очень короткое время; но, по словамъ Смирновой (въ Запискахъ въ IX кн. Сѣверн. Вѣстн. 1893 г.), Пушкинъ записалъ здѣсь двѣ сказки—неизвѣстно какія; предполагаю, что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о полетѣ вѣдьмы,

о чемъ подробнѣе скажемъ далѣе. Въ теченіе трехъ лѣтъ своей кишиневской жизни Пушкинъ каждый годъ навѣдывался въ Каменку и Кіевъ; но вынесенныя имъ отсюда впечатлѣнія были слабы. Ко времени пребыванія П. на югѣ Россіи относится Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. Малороссія кое-что дала Пушкину и для Полтавы. Лучшій остатокъ — описаніе украинской ночи; но во всемъ остальномъ мѣстный колоритъ очень слабъ или совсѣмъ отсутствуетъ. Мѣстами замѣтны слѣды малорусскаго языка, слѣды настолько слабые, что на основаніи ихъ нельзя думать, чтобы Пушкинъ зналъ малорусскій языкъ. Это были случайныя заимствованія двухъ-трехъ общихъ ходячихъ словъ (хуторъ, кать). По происхожденію, образованію, по своимъ интересамъ, общественнымъ и литературнымъ, Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи. Знакомство его съ этимъ краемъ было болѣе книжное, чѣмъ личное. Извѣстно, что онъ пользовался тенденціозно-патріотической „Исторіей Русовъ“ (Полатики), пользовался „Малор. народн. пѣснями“ въ изданіи Максимича. „А я обираю ваши пѣсни“, сказалъ онъ однажды Максимовичу, при составленіи Полтавы. Извѣстно далѣе, что Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ украинскихъ повѣстей Гоголя, впоследствии близко сошелся съ авторомъ и, кромѣ того, былъ знакомъ съ нѣкоторыми другими „щирыми“ украинцами (М. А. Максимовичемъ и Н. А. Маркевичемъ) и, главное, былъ знакомъ съ народной словесностью, съ пѣснями, доказательствомъ чего служитъ „Казакъ“, и со сказками, что видно изъ „Гусара“ (1833 г.).

Х.

Г у с а р ь.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
„Занесъ же вражій духъ меня
На распролятую кватеру!

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ:
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлѣѣ.

Здѣсь на тебя, какъ лютой звѣрь,
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой . . .
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То-ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хотъ пару подавай,
А молодежи — молодухи!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши . . .“
— А чѣмъ же? Расскажи, служивый.—

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь.
Да глушь, а мы видали виды.

Ну слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ: моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо.

Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмѣлится приготовить;
Мигну бывало ей: кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталь, видно.

Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
Шалить Марусенька моя;
Куда ее лукавый носить?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря).

И слышу; кумушка моя
Съ печи тихонько спрыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки стьяночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздѣлась до-нага: потомъ
Изъ стьянки три раза хлебнула—
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнала.

„Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...“
И съ печки слѣзъ — и вижу: стьянка.

Понюхалъ: кисло! что за дрянъ!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызгнулъ стьянкой —
Какъ фырнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лоханькой.

Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! въ печку поскакало.

Кой чортъ подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю стьянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда — не помню и не знаю,
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкой вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
—Домой! кто звалъ тебя, пострѣль?
Тебя съѣдятъ!—Но я не струся:

„Домой? Да! чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу?“—Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаленный.

Чтобъ я, я съѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу!
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!“—На, дурень, вотъ и конь.
И точно, конь передо мною
Скребеть копытомъ, весь—огонь,
Дугою—шея, хвостъ—трубою.

—Садись!—Вотъ съѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!“

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: „молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь
Да глушь, а мы видали виды“.

Малорусскія подробности: Кіевъ, Днѣпръ, Маруся, чернобрива, галушки, хлопецъ — въ итогѣ 6 малорусскихъ словъ, болѣе, чѣмъ во всей Полтавѣ. Впрочемъ, подробности эти не имѣютъ кружнаго значенія. Упоми-

наніе о Днѣпрѣ, столь же сухое и голое, какъ въ Русланѣ и Людмилѣ (въ I пѣснѣ), Полтавѣ (въ концѣ III пѣсни) и „Пѣснѣ о вѣицѣмъ Олегѣ“. Въ концѣ „Полтавы“ есть указаніе, что Пушкинъ знакомъ былъ съ украинскими кобзарями, по крайней мѣрѣ, видѣлъ ихъ. Интересна основная фабула „Гусара“. Она взята изъ малорусской демонологической сказки. Въ Малороссіи весьма популярны сказки о полетѣ вѣдьмъ и въ слѣдъ за ними мужей на шабанѣ. Такія сказки мы находимъ въ сборникахъ *Чубинскаго* I 197, *Манжуры* 139, *Nowoselskiego* (Lud ukr.) II 89, *Иванова* 175. Близко къ „Гусару“ стоитъ, напр., слѣдующая сказка, записанная въ Литинскомъ уѣздѣ: „Когда-то въ домѣ извѣстной вѣдьмы поставленъ былъ на постой молодой солдатъ. Солдатъ этотъ скоро завелъ съ своею хозяйкой-вѣдьмой любовную связь; но при этомъ началъ подозрѣвать ее въ чемъ то недобромъ. Всегда бывало хозяйка его ложится съ нимъ спать; но лишь только солдатъ заснетъ, хозяйка куда-то исчезаетъ и является поутру истощенная, измученная. Это заинтересовало солдата, и онъ въ одну ночь, притворившись спящимъ, сталъ слѣдить за своею хозяйкой. Тутъ онъ замѣтилъ, что та сняла съ себя рубаху, намазала свое тѣло какою-то мазью, вскипятила горшокъ съ жидкостью и, схвативши мечикъ, улетѣла въ трубу. Солдата все это такъ подстрекнуло, что онъ рѣшился все это испытать на себѣ. Исполнить это было не трудно, потому что онъ хорошо замѣтилъ, гдѣ были запрятаны мазь и горшокъ. Когда горшокъ началъ кипѣть, солдатъ почувствовалъ, что его какъ будто подносить. Желая во всемъ подражать хозяйкѣ, онъ началъ осматриваться, не найдетъ ли гдѣ мечика; но не найдя такого, схватилъ въ торопяхъ свой тесакъ и съ нимъ улетѣлъ въ трубу. Въ одно мгновеніе онъ очутился въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, среди многочисленнаго собранія вѣдьмъ. Испугавшись онъ спрятался за первый попавшійся ему камень и началъ наблюдать. Вѣдьмы начали примѣрный бой на мечахъ, приговаривая: „втну,

да не дотну“. Солдатъ выскочилъ, принялъ участіе въ бою со словами: „я втну, та и перетну“ и отрубилъ у своей хозяйки палець. Вѣдьмы разлетѣлись по домамъ, и онъ возвратился. Вѣдьма-хозяйка изъ мести высосала изъ солдата кровь, и онъ вскорѣ умеръ“ (*Чубинскій* I 197—198).

Пушкинъ могъ слышать эту сказку въ Екатеринославѣ. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринослав. губ. записана весьма сходная сказка о новобранцѣ и вѣдьмѣ: „Новобранца поставили у одной хозяйки. Въ глухую ночь онъ притворился спящимъ и замѣтилъ, что хозяйка, намазавъ себѣ подъ плечами „маёвымъ масломъ“, вылетѣла въ трубу. Новобранецъ помазалъ себѣ и за нею вылетѣлъ въ трубу. Вѣдьма сидѣла на трубѣ своей хаты и поджидала другихъ вѣдьмъ. Она дала ему коня, запретивъ говорить „тиру“ или „но“. Солдатъ долго мчался на конѣ и когда захотѣлъ остановиться для естественной надобности и крикнулъ „тиру!“, конь исчезъ. Солдатъ очутился въ лѣсу, изъ котораго три года шелъ домой“ (*Манжура* 139).

Въ Харьковской губерніи весьма популярна сказка о солдатѣ и вѣдьмѣ. Въ одномъ вар. солдатъ ночью видитъ, какъ къ его хозяйкѣ старухѣ пришли 12 бабъ, перекинулись черезъ ножъ, воткнутый въ землю, и полетѣли въ трубу. И солдатъ перекинулся черезъ ножъ и очутился въ Кіевѣ на шабанѣ вѣдьмъ. Хозяйка замѣтила его и, какъ у Пушкина, пожалѣла. „Коли хочешь въ свити житы, такъ сидай на цѣго коня та убирайсь видциль мерцій, та не оглядайсь“. Солдатъ долго мчался, оглянувшись и очутился на землѣ, верхомъ на палкѣ. Долгое время онъ шелъ, пока возвратился въ полкъ (*Ивановъ*, въ III Сборн. Харьк. истор.-фил. общ. 175).

Этими малорусскими сказками исчерпывается все содержаніе пушкинскаго „Гусара“.

Сказка о солдатѣ и вѣдьмѣ извѣстна въ Велико-россіи и въ Бѣлороссіи. Въ бѣлорусской сказкѣ за хозяйкой летитъ сначала солдатъ, а потомъ, по его

указанію, ея мужъ; летятъ на Лысую кievскую гору; хозяйка пожалѣла солдата и мужа, помазала ихъ мазью изъ кадки, и они благополучно возвратились домой (*Добровольскій*, Смоленск. этнограф. сборн. 133—135). Известны такія сказки и полякамъ, какъ видно изъ сборника г. *Косинскаго* въ *Zbiór wiadomości do antrop. krajow. V, VII № 12.*

Въ Германіи издавна циркулируютъ такія сказки и въ старое время онѣ входили въ судебные процессы вѣдьмъ, о чемъ подробн. см. въ соч. *Soldan'a Geschichte der Hexenprocesse* (изд. 1843, 2-ое дополн. и перераб. Нерре въ 1880 — капитальный трудъ) и въ соч. *Roskoff'a Geschichte des Teufels*, 2 т. 1869 (очень цѣнное сочин., о полетахъ вѣдьмъ во II т.). И въ новыхъ сборникахъ нѣмецкихъ сказокъ часто встрѣчаются подобныя, напр., въ „*Sagenbuch der Bayerischen Lande*“ *Schöppner'a* 1852 III стр. 341 (полетъ молодой вѣдьмы на Блоксбергъ на снопѣ соломы).

Во Франціи (въ *Hautes Vosges*) записанъ недавно такой разсказъ: Одна женщина въ селѣ Ваньи безъ вѣдома своего мужа семь лѣтъ летала на шабашъ вѣдьмъ. Мужъ, замѣтивъ, что жена ночью оставляетъ ложе, возымѣлъ дурныя подозрѣнія. Замѣтивъ, однажды, что жена осторожно встала зъ постели и вышла въ другую комнату, мужъ сталъ наблюдать за ней въ щель въ двери. Онъ увидѣлъ, что жена вынула изъ запечнаго отверстия горшокъ съ какой-то мазью, сняла сорочку и въ семи мѣстахъ намазала мазью. Сдѣлавъ это, она отворила тихонько дверь, сказала „поверхъ роцъ и кустарниковъ“ и тотчасъ поднялась въ воздухъ. Мужъ послѣдовалъ ея примѣру, намазалъ тѣло въ семи мѣстахъ, но сказалъ „по роцамъ и кустамъ“, и вдругъ его понесло, но такъ низко надъ землей, что онъ зацѣплялся за деревья и кустарники, изорвалъ всю одежду, былъ избитъ и пораненъ, и въ самомъ жалкомъ видѣ упалъ на мѣстѣ шабаша вѣдьмъ (*Sauvé, Le Folk-lare des Hautes Vosges*, 174).

Этотъ сказочный мотивъ чуть ли не общечеловѣчскій. Недавно издана весьма сходная сіамская сказка: Замужняя женщина летитъ ночью въ страну злыхъ духовъ; мужъ уцѣпился за ея голову и полетѣлъ туда же (*Hardouin, Revue d. trad. popul. 1890, XII.*)

По повѣрьямъ сванетовъ (на Кавказѣ), вѣдьмы въ Страстной четвергъ слетаются на гору Эльбрусь на шабашъ. Полетъ совершаютъ при помощи волшебнаго зелья. Ночью, когда всѣ спятъ, онѣ встаютъ, намазываютъ этимъ зельемъ какой-нибудь предметъ—метлу, кувшинъ, камень или животное, чаще всего кошку и сѣвъ на него верхомъ, вылетаютъ въ трубу (*Сборникъ матер. для опис. Кавказа, XVII, 173.*)

Педагогическая практика, понятно, не можетъ принять ни „Казака“, ни „Гусара“. „Казакъ“ слишкомъ юное и слабое произведение Пушкина; значеніе его исключительно научное историко-литературное. „Гусаръ“— произведение сильное и красивое; но въ немъ есть намѣки, неподходящіе для молодежи, и общій тонъ гусарскій отзывается грубой солдатчиной: наконецъ, демонологическая фабула относится къ такому строю мысли, который принципиально отрицается наукой и всей цивилизаціей. И безъ того въ умахъ держится слишкомъ много всякаго рода мистицизма, чертовщины и суевѣрій, и было бы крайне непедагогично поддерживать художественными внушеніями эту старозавѣтную духовную немочь.

Въ сборникѣ индійскихъ сказокъ изъ Кашемира *Katha Sarit Sagara* Сомадевы начала XII в. по Р. X. находится чрезвычайно любопытный варіантъ сказки, лежащей въ основаніе „Гусара“. Въ 20-ой главѣ въ повѣсти о Фалабгути сначала находится разсказъ о безобразной женщинѣ вѣдьмѣ Каларатри. Жена брамина, Каларатри, знаетъ со злыми духами дакини и ѣсть человѣческое мясо; у ней сросшіяся брови, выдающіеся наружу зубы, короткій носъ. У ея мужа, знатока Ведъ, было много учениковъ, и одинъ изъ нихъ, Сундарака по имени, от-

личался красотой. Каларатри стала склонять его къ любви; но юноша не хотѣлъ осквернить ложе своего наставника; мстительная Каларатри разорвала на себѣ одежду и сказала мужу, что Сундарака хотѣлъ ее изнасиловать. Бѣдный юноша былъ избитъ и изгнанъ изъ дому. До сихъ поръ идетъ исторія на широко распространенный на востокѣ мотивъ о прекрасномъ Юсифѣ и женѣ Пентефрія (см. древне-египетскую сказку о двухъ братьяхъ въ сборникѣ *Masfero* „Les contes populaires de l'ancienne Egypte № 1). Затѣмъ идетъ рассказъ на тему пушкинскаго Гусара. Сундарака, прійдя ночью въ сознание послѣ побоевъ, спрятался на крышѣ ближайшаго коровника. Въ этотъ моментъ Каларатри вошла на крышу въ сопровожденіи многихъ дакини, съ неистовыми криками, испуская огонь и вѣтеръ изъ глазъ и изо рта, произнесла заклинаніе, которое Сундарака хорошо слышалъ, и со всѣмъ коровникомъ и съ Сундаракой понеслась на шабашъ вѣдьмъ въ далекую страну. Проголодавшійся Сундарака накопалъ здѣсь рѣдьки и часть ея захватилъ съ собой. Возвратившись съ вѣдьмами и коровникомъ домой, незамѣченный злыми духами, С. понесъ на базаръ продавать рѣдьку; люди той страны, гдѣ росла рѣдька, стали спрашивать С., какъ онъ досталъ ее, и, не получивъ отвѣта, связали С. и повели его къ царю. Зная заклинаніе, С. снова летитъ уже съ друзьями въ волшебную страну, съ большими сокровищами возвращается въ родной городъ и объясняетъ царю, какимъ образомъ узналъ онъ о способѣ летать къ облакамъ. Царь приказалъ отрѣзать у Каларатри уши и изгналъ ее изъ своихъ владѣній, а Сундарака съ почетомъ былъ принятъ у царя и затѣмъ снова улетѣлъ на облака (изд. Германа *Брокгауза* 1839 г., стр. 104—106). Индійскій вариантъ большой и сложный; здѣсь онъ переданъ въ сокращеніи. Вариантъ этотъ интересенъ по полнотѣ и хронологической опредѣленности. Сказанія о полетѣ вѣдьмъ, несомнѣнно, возникли и развились самостоятельно у разныхъ народовъ на общей миѣической

основѣ; но въ этихъ сказаніяхъ есть кое-какія загадочныя детали, возникшія, можетъ быть, на почвѣ глубоко древняго быта, можетъ быть, на почвѣ литературнаго заимствованія, устнаго и весьма давняго. Къ такому предположенію склоняетъ одна любопытная деталь. Почему въ малорусскихъ сказкахъ вѣдьмы собираются на крышѣ хаты, и мужчины — герои полетовъ — возвращаются на крыши? островерхія соломенные крыши малорусскихъ хатъ совсѣмъ неудобны для такихъ собраній и остановокъ. Не кроется ли въ этой подробности воспоминаніе о пребываніи славянъ въ древности въ другой странѣ, о домахъ съ плоскими крышами? или эта деталь путемъ устной передачи проникла въ Малороссію съ отдаленнаго востока?

умолчаніе о томъ, что Пушкинъ вспоминаетъ въ „Аріонъ“ происшествіе 14 декабря и судьбу своихъ друзей и знакомыхъ. Анненковъ имѣлъ право умолчать объ этомъ, такъ какъ въ „Аріонъ“ воспоминаніе Пушкина о декабристахъ совершенно скрыто. Гораздо болѣе неправъ, по нашему мнѣнію, г. Поливановъ, исключившій это прекрасное стихотвореніе изъ своего изданія, предназначеннаго для семьи и школы. „Аріонъ“ можно разсматривать безъ какого бы то ни было отношенія къ декабристамъ, такъ какъ примѣненіе Аріона къ Пушкину и декабристамъ лишь одно изъ возможныхъ примѣненій. Г. Поливановъ изъ за одного неудобнаго (да и то лишь предположительно) дерева выкорчевалъ цѣлый лѣсъ.

Аріонъ (Αρίων) — греческій поэтъ изъ Мееимны; время жизни и дѣятельности его относится къ 628—585 г. до Р. Хр. Извѣстенъ особенно усовершенствованіемъ пѣсни диэирамба, послужившей зародышемъ трагедіи (см. энцикл. словари *Брокгауза* и *Шурера*). Съ его именемъ связана была въ древности легенда, которую Геродотъ передаетъ въ такой формѣ: „Разсказываютъ, что этотъ Аріонъ, проводившій бѣольшую часть жизни въ Коринѣ у Періандра, пожелалъ однажды посѣтить Италію и Сицилію и, собравши тамъ большія богатства, собрался отплыть въ Коринѣ. Довѣряя болѣе всего коринейцамъ, онъ нанялъ въ Тарентѣ коринейское судно и оттуда отѣхалъ. На открытомъ морѣ коринейцы вознамѣрились выбросить Аріона въ море и завладѣть его имуществомъ. Узнавши объ этомъ Аріонъ умолялъ ихъ оставить ему жизнь и предлагалъ имъ свои богатства, но перевозчики оставались непреклонными и предложили ему или умертвить себя съ тѣмъ, что они погребутъ его на сушѣ или сырыгнуть въ воду... Аріонъ надѣлъ на себя полный нарядъ свой, взялъ въ руки кивару и, ставши на доскахъ кормы, исполнилъ пѣсню високаго тона; по окончаніи пѣсни онъ въ полномъ одѣяніи бросился въ море. Перевозчики поплыли дальше въ Коринѣ, а дельфинъ взялъ Аріона и вынесъ на Те-

XI.

Аріонъ.

Насъ было много на челнѣ:
 Иные парусъ напрягали,
 Другіе дружно упирали
 Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
 На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
 Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
 А я — безпечной вѣры полнъ —
 Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
 Измялъ съ-налету вихоръ шумный...
 Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
 Лишь я, таинственный пѣвецъ,
 На берегъ выброшенъ грозою;
 Я гимны прежніе пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

„Аріонъ“ первоначально былъ напечатанъ въ „Литерат. Газетѣ“ въ 1830 г. № 43, безъ подписи, и оттуда только въ VII т. изданія Анненкова, который привелъ въ примѣчаніи классическое преданіе объ Аріонѣ. Г. Ефремовъ, нигдѣ не упускающій случая упрекнуть Анненкова, ставитъ ему въ вину (въ примѣч. во II т. стр. 431)

наръ“. Аріонъ пришелъ въ Коринѣ ранѣ корабельщиковъ, а послѣдніе были потомъ казнены Періандромъ. Геродотъ добавляетъ, что на Тенарѣ находилось пожертвованное Аріономъ мѣдное небольшое изображение сидящаго на дельфинѣ человѣка (*Геродотъ*, въ переводѣ Мищенко I 24) ¹⁾.

Въ Запискахъ А. О. Смирновой въ Сѣвер. Вѣстн. 1893 IX 249 находится такое любопытное мѣсто: „Пушкинъ говорилъ о Пуцинѣ, Рылѣевѣ, Бестужевыхъ, кн. Одоевскомъ Бѣдный Аріонъ (т. е. Пушкинъ) былъ очень печаленъ, хотя и спасся самъ отъ крушенія; въ заключеніе онъ прочиталъ мнѣ наизусть французскіе стихи объ Аріонѣ:

Jeune Arion, bannis la crainte,
Abordes aux rives de Corinthe;
Minerve aime ce doux rivage,
Périandre est digne de toi;
Et tes yeux y verront un sage
Assis sur le trône d'un roi ²⁾.

Далѣе Смирнова прибавляетъ, что Пушкинъ сказалъ при этомъ: „Тотъ, кто говорилъ со мной въ Москвѣ какъ отецъ съ сыномъ въ 1826 г. и есть этотъ мудрецъ“. Послѣ этихъ словъ лицо Пушкина будто бы прояснилось, и онъ сказалъ: „Аріонъ присталъ къ берегу Коринѣа“.

На цѣлыхъ страницахъ г-жа Смирнова излагаетъ подлинныя слова Пушкина о наукѣ, искусствѣ, о выдающихся европейскихъ писателяхъ; при такой подробности

¹⁾ *Тенаръ* (Ταίναρος) нынѣ мысъ Матапанъ, образуемый Тайгетомъ на югѣ Лаконіи.

²⁾ Юный Аріонъ, изгони изъ сердца страхъ,
Причалъ къ берегамъ Коринѣа,
Минерва любитъ этотъ тихій берегъ,
Періандръ достоенъ тебя;
И глаза твои узрятъ тамъ мудреца,
Возсѣдающаго на королевскомъ престолѣ.

легко могли вкратѣсь неточности и субъективное освѣщеніе, напр., въ подробности, что „лицо Пушкина будто бы прояснилось“ и т. п. Въ настоящемъ случаѣ въ сообщеніи г-жи Смирновой важно указаніе на французскій литературный источникъ „Аріона“; но Пушкинъ, какъ истинный художникъ, уклонился отъ чужаго образа въ смыслѣ высшаго художественнаго и нравственнаго обобщенія темы. Что бы тамъ ни говорилъ Пушкинъ въ гостинной г-жи Смирновой — въ окончательномъ сужденіи о Пушкинѣ мы должны опираться исключительно на его печатныя произведенія. Пушкинъ имѣлъ полное основаніе радоваться — по полученіи свободы въ 1826 г.; но глубоко присущее ему чувство правды не допустило его повторить за французскимъ источникомъ, что „Минерва любитъ этотъ тихій берегъ“, и все прочее псевдоклассическое французскаго оригинала не вошло въ „Аріонъ“. Это маленькое стихотвореніе является результатомъ большаго и сложнаго комплекса личныхъ ощущеній и тщательныхъ размышленій — отсюда полнота художественнаго образа, полнота, исключающая ту или другую одностороннюю политическую мѣру. Въ „Аріонѣ“ Пушкинъ стоитъ выше политики; здѣсь мы видимъ въ немъ лишь поэта художника и гуманиста.

Мысль о декабристахъ, повидимому, носилась въ умѣ Пушкина, когда онъ писалъ „Аріонъ“; эта мысль исходила изъ глубокаго къ нимъ сочувствія и сожалѣнія, что видно изъ болѣе ранняго стихотворенія „Посланіе въ Сибирь“ 1827 г. и изъ частныхъ писемъ Пушкина 1826 г. Въ „Аріонѣ“ мысль эта настолько скрыта, что современные поэту и лично къ нему всегда недоброжелательные Аргусы не замѣтили ея, и „Аріонъ“ ни въ 1830, ни въ болѣе поздніе годы не вызывалъ цензурныхъ ограниченій и прещеній. Въ этомъ отношеніи современная педагогическая практика, исключающая „Аріонъ“ изъ числа учебныхъ стихотвореній, заходитъ въ пониманіи благонамѣренности далѣе Бенкендорфа, Дуббельта и Булгарина.

Личное приложеніе Аріона къ Пушкину не исчерпывается вполне лицами и событіями 1825 г. Въ 1828 году Пушкинъ имѣлъ столкновенія съ гр. Бенкендорфомъ, опасался новыхъ гоненій и въ стих. „Предчувствіе“ писалъ:

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду;
Можетъ быть еще спасенный
Снова пристань я найду...

„Насъ было много на челнѣ“... Извѣстно, что Пушкинъ фактически не принадлежалъ къ числу декабристовъ, и уже изъ этого видно, что въ основу „Аріона“ положено художественное обобщеніе. Пушкинъ могъ, однако нравственно причислять себя къ декабристамъ, по личной съ ними дружбѣ, по общности литературныхъ интересовъ. Хотя и не посвященный во всѣ тайны, Пушкинъ искренно пѣлъ „пловцамъ“, сначала въ унисонъ съ ними на беспочвенныя республиканскія темы, потомъ, когда пловцы погибли, пѣлъ на прочной почвѣ безыскусственнаго гуманизма, утѣшая ихъ свѣтлой надеждой:

Оковы тяжкія падуть,
Темницы рухнуть, и свобода
Васъ прійметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Черезъ 30 лѣтъ исполнилось это пророчество; „скорбный трудъ“ декабристовъ принесъ свою долю пользы, при трудѣ другихъ лучшихъ людей—въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; „любовь и дружество“ проникли въ глубину сибирскихъ рудъ; „свобода“ открыла послѣднимъ декабристамъ путь на родину, и „братья имъ отдали мечъ“.

Комментаріемъ къ стихамъ о многочисленности пловцовъ и гибели ихъ можетъ служить письмо Пушкина къ кн. Вяземскому въ авг. 1826 г.: „Повѣщенные повѣшены; но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна“... При отношеніи къ декабристамъ, какъ товари-

щамъ, друзьямъ и братьямъ, Пушкинъ имѣлъ полное основаніе сказать въ началѣ Аріона „Насъ было много на челнѣ“.

Трудно въ точности сказать, кого разумѣлъ Пушкинъ подъ словами „кормщикъ умный“, вѣроятно, К. Ѳ. Рылѣва. Отношенія Пушкина къ Рылѣву. при жизни послѣдняго, судя по ихъ письмамъ, были довольно холодныя. Пушкинъ отрицалъ въ Рылѣвѣ поэтическій талантъ, хотя Рылѣвъ въ этомъ отношеніи стоялъ не ниже Дельвига, о поэтическомъ талантѣ котораго Пушкинъ, по дружбѣ, имѣлъ преувеличенное мнѣніе. Затѣмъ Пушкину не нравилось нѣсколько пренебрежительное отношеніе Рылѣва къ Жуковскому за отсутствіе въ его поэзіи общественнаго элемента. Рылѣвъ откровенно порицалъ Пушкина за его стремленіе къ аристократіи. Смерть Рылѣва, повидимому, стерла въ сердцѣ Пушкина личное недовольство, и Пушкинъ, при его гуманности, могъ сохранить о Рылѣвѣ лучшее воспоминаніе, какъ о чловѣкѣ умномъ, образованномъ и честномъ. Вообще, въ жизни и поэзіи Пушкина обнаруживается замѣчательная черта: благородное чистое отношеніе къ памяти умершихъ. У Пушкина чувство уваженія, дружбы и любви отъ смерти закрѣплялось, очищалось, иногда получало высшее одухотвореніе и пожизненную нерушимую прочность. Эта черта ясно обнаруживается въ стихотвореніяхъ о Ризничѣ, Дельвигѣ, Аринѣ Родіоновнѣ, написанныхъ послѣ ихъ смерти, причемъ теплое воспоминаніе высказывается иногда въ стихотвореніяхъ, написанныхъ много лѣтъ спустя послѣ смерти друзей, въ концѣ жизни поэта. Напр., въ послѣдній годъ своей жизни (1836) Пушкинъ, посѣтивъ мастерскую художника Гальберга, такъ вспоминалъ о Дельвигѣ, умершемъ въ январѣ 1831 г.:

Грустенъ гуляю; со мною добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.

Въ 1828 г. умерла Арина Родіоновна, и въ 1835 г. Пушкинъ

кинъ съ грустью вспоминаеть о ней въ ст. „Вновь я посѣтилъ“...

Мысль о жизни и о смерти въ міросозерцаніи Пушкина всегда переплеталась. Для опредѣленія этой особенности Пушкина и отсюда истекавшаго глубокаго и своеобразнаго пушкинскаго гуманизма остановимся въ ближайшей главѣ подробно на двухъ-трехъ соотвѣствующихъ стихотвореніяхъ.

Аріонъ — одно изъ самыхъ цѣнныхъ стихотвореній Пушкина по глубинѣ образа, по возможности разнородныхъ частныхъ его приложеній. Въ основу такихъ приложеній должны входить непременно два начала: избавленіе отъ смертной опасности и вѣрность идеаламъ молодости, если только идеалы эти были безукоризненно чисты и возвышены. Стихотвореніе Аріонъ прилагали къ Пушкину и декабристамъ; возможны и другія личныя приложенія. Подъ пушкинскій образъ не подойдетъ лишь такой поэтъ, въ широкомъ обобщеніи такой дѣятель слова, который „высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево“, т. е. сталъ человѣкомъ низкимъ, коварнымъ и продажнымъ.

„Аріонъ“ производитъ мягкое успокаивающее впечатлѣніе. Въ „Аквилонѣ“ 1824 г. Пушкинъ высказалъ пожеланіе:

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостно блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

„Аріонъ“ 1830 г. законченъ подобной картиной успокоенія природы. Гроза и вихоръ шумный прошли. Природа снова спокойна и милостива къ человѣку. Таинственный пѣвецъ на солнцѣ подъ защитой скалы сушить свою одежду, обмокшую въ морскихъ волнахъ.

Эта художественная и въ то же время глубоко гуманная черта—именно завершеніе темной картины горя успокоительнымъ лучомъ радости — встрѣчается лишь

у первоклассныхъ міровыхъ поэтовъ, напр., Шиллера (преимущественно въ балладахъ) и въ лучшихъ произведеніяхъ народной поэзіи, напр. въ малорусскихъ думахъ про бурю на Черномъ морѣ.

Глубокимъ пониманіемъ важнѣйшихъ гуманитарныхъ задачъ поэзіи обусловлена та характерная особенность пушкинскаго „Аріона“, что здѣсь пѣвецъ страдаетъ не отъ корабельщиковъ, какъ въ древнегреческомъ преданіи, а отъ слѣпой природной силы — бури.

То-ли дѣло быть на мѣстѣ
По Мясницкой разѣвзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома
Ночью сонъ, поутру чай;
То-ли дѣло, братцы, дома! . . .
Ну пошелъ же, поганай! . . .

XII — XIV.

Дорожныя жалобы. Чудный сонъ.

Стансы: Брону ли я

Въ октябрѣ (4 числа) 1829 г. Пушкинъ написалъ „Дорожныя жалобы“, напеч. впервые въ „Сѣвер. Цвѣтахъ“ въ 1832 г.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
 Не въ наслѣдственной берлогѣ,
 Не средь отческихъ могилъ,
 На большой мнѣ знать дорогѣ
 Умереть Господь судилъ
На каменныхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннѣмъ мостомъ.
 Иль чума меня подцѣпитъ,
 Иль морозъ окостенитъ,
 Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
 Непроворный инвалидъ.
Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуби околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.
 Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
 Постъ невольный соблюдать,
 И телатиной холодной
 Трюфли Яра поминать?

„Дорожнымъ жалобамъ“ предшествовало весьма сходное по концепции и построению ст. „Зимняя дорога“ (1826 г.). Эти два стихотворенія стоятъ въ тѣсной психологической и историко-литературной связи.

„Дорожныя жалобы“, какъ всё стихотворенія Пушкина, богато фактическимъ содержаніемъ. Въ этомъ стихотвореніи ясно обнаруживаются двѣ части — отрицаніе путешествій и восхваленіе домашней жизни. Подходили годы возмужалости, и Пушкина потянуло къ спокойной семейной жизни. Въ „Дорожныхъ жалобахъ“, что ни куплетъ, то цѣлая біографическая страница. Въ первомъ уже куплетѣ находится цѣлая исторія многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ путешествій Пушкина, пѣшкомъ и верхомъ, что бывало преимущественно въ Михайловскомъ, въ телѣгѣ, напр. на пути на югъ, по бѣлорусскому тракту въ 1820 г., въ кибиткѣ, коляскѣ и каретѣ. Особенно мѣтко очерчены неудобства путешествій въ Россіи въ старинное время — переѣзды подъ пестрыми казенными шлагбаумами у заставъ городскихъ и сельскихъ, опасность встрѣтиться съ разбойниками, кишѣвшими въ крѣпостное время въ лѣсахъ и подъ мостами, тягостныя высадки въ карантинахъ — то было время первой холеры, всякаго рода внѣшнія неудобства, вызвавшія многочисленныя жалобы въ мемуарахъ и даже въ поэзіи. Въ „Ропотѣ на дорогу“ И. М. Долгорукаго (20-хъ годовъ) находится такой любопытный комментарий къ стиху Пушкина о невольномъ постѣ въ дорогѣ:

Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ вонь, чадъ и тараканы,

Путемъ нельзя ни лечь, ни сѣсть,
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячивѣ нуждаться —
Не сыщешь мягкой булки сѣсть.

Современникъ и другъ Пушкина, извѣстный поэтъ кн. Вяземскій, такъ отзывался о почтовыхъ станціяхъ: „Надо имѣть много философіи и мужества, чтобы почевать на почтовыхъ станціяхъ; только въ этихъ случаяхъ я мирюсь съ своей безсонницей. Я хожу предъ домомъ, брожу по комнатѣ для прїѣзжающихъ, прислушиваюсь къ ворчанію часовъ, которые вѣчно хрипятъ въ этихъ очаровательныхъ мѣстахъ“ (*Смирнова*, въ Сѣверн. Вѣстн. 1893 III 131—132).

Въ особенности любопытна мысль поэта о смерти, мысль, тѣсно связывающая „Дорожнія жалобы“ со стансами „Брожу ли я...“, написанными въ томъ же году, двумя мѣсяцами позже, 26 декабря въ 3 часа ночи.

Терминъ „стансы“ очень неопредѣленный и неясный. Въ разное время въ Западной Европѣ ему давали различное значеніе. Чаще всего подъ стансами въ Италіи подразумѣвались восьмистрочныя строфы, ottave rime, иногда 4-строчныя, иногда небольшіе стихи въ цѣломъ составѣ, напр. канцоны. Пушкинъ заимствовалъ терминъ стансы. Подъ такимъ заголовкомъ извѣстно четыре стихотворенія: „Брожу ли я“, „Въ надеждѣ славы и добра“, „Въ часы забавъ“ (митроп. Филарету) и „Ты мнѣ велишь пылать душою“ (изъ Вольтера). Всѣ эти стихотворенія состоятъ изъ 4-строчныхъ куплетовъ съ числомъ слоговъ 9+8 или наоборотъ 8+9; но точно такую же форму имѣютъ многія другія стихотворенія, не означенныя стансами, „Къ морю“, „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, первое подражаніе Корану. Такимъ образомъ и въ употребленіи Пушкина стансы не имѣютъ ничего своеобразнаго. Послѣ Пушкина терминъ стансы, по своей неопредѣленности и бесполезности, сходитъ съ литературной сцены, и вмѣсто него входятъ въ употребленіе болѣе

точные и болѣе опредѣленные заголовки по содержанию стихотвореній.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль въ многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти ¹⁾.

День каждый, каждую минуту,
Привыкъ я душой провожать,
Грядущей смерти годовщину,
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

¹⁾ Въ рукописи была еще строфа:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, вездѣ со мной!

Въ срединѣ стихотворенія была недоделанная строфа, изъ которой разобраны Авненковымъ 2 стиха:

Но не вотще меня знакомить
Съ могилой ясная мечта . . .

И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду истлѣвать,
 Но ближе въ милому предѣлу
 Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
 Младая будетъ жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красою вѣчную сіять.

Это стихотвореніе, очевидно, представляетъ сходство съ „Дорожными жалобами“, вышло изъ одинаковаго психическаго настроенія; оно глубже, полнѣе и серіознѣе. Къ стансамъ „Брожу ли“ близко подходитъ ст. „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, довольно обстоятельно разобранное у г. *Полыванова* на стр. 325. Последнее стихотвореніе 1830 г. Болѣе интереснымъ по сходству со стансами „Брожу ли“ представляется другое гораздо болѣе раннее стихотвореніе — 1823 г., помѣщенное въ концѣ второй пѣсни „Евгенія Онѣгина“ въ строфѣ XXXVIII:

Увы, на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жатвой поволѣнья,
 По тайной волѣ Провидѣнья,
 Восходить, зрѣютъ и падуть;
 Другія имъ во слѣдъ идутъ . . .
 Такъ наше вѣтреное племя
 Растетъ, волнуется, кипитъ
 И къ гробу прадедовъ тѣснить.
 Придетъ, придетъ и наше время
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

Слѣдующая затѣмъ XXXIX глава представляетъ ранній прототипъ стихотворенія „Безумныхъ лѣтъ“.

Образъ жизни — созрѣвающее жито — построенъ на глубокой культурно-исторической основѣ. Въ славянскихъ языкахъ жизнь и жито понятія синонимическія, то и другое отождествляется съ благомъ, что выразилось, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ евангелія отъ Луки: „*И соберу ту вся жита моя и вся благая моя*“ (XII 18).

У Пушкина поволѣнья — многовѣчная жатва, восходить, зрѣеть и падаетъ — подъ косою смерти. Это образы библейскіе, усвоенные христіанскою письменностью, духовными стихами и народными пѣснями. Въ Библии „дни человѣка, какъ трава, какъ цвѣтъ полевой“, злодѣи будутъ „подкошены и какъ зеленѣющій злакъ увянутъ“. Особенно характерно слѣдующее мѣсто въ кн. Іова: „Войдетъ во гробъ въ зрѣлости, какъ укладываются снопы пшеницы въ свое время“. Въ средневѣковыхъ памятникахъ непрочность человѣческой жизни изображается въ образѣ косыбы. Въ древней русской письменности смерть — „косецъ“, она всѣхъ „пожинаетъ равно“. Представленіе битвы въ видѣ земледѣльческихъ работъ было особенно популярно, встрѣчается въ лѣтописяхъ, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, малорусскихъ думахъ, о чемъ подробнѣе см. *Жданова*, Къ литерат. ист. рус. был. 44, 221, *Потебню*, Объясн. малорус. пѣс. II 129—134. Изъ новыхъ поэтовъ у *Шевченка* неоднократно битва сравнивается съ жатвой (см. по изд. 1883 г. стр. 24, 161).

Замѣчательной параллелью къ ст. Пушкина „Увы, на жизненныхъ браздахъ“ представляются слѣдующія строки въ одномъ письмѣ *Диккенса*, вызванныя потерей близкихъ и любимыхъ людей: „страшный серпъ безжалостно коситъ окрестное поле и чувствуешь, что твой собственный колосъ уже созрѣлъ“.

На эту же тему у *Шевченка* цѣлое стихотвореніе: „По надъ полемъ иде — не покосы кладе — горы“ . . .

Любовь къ родинѣ, выразившаяся въ строфѣ

И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду истлѣвать,
 Но ближе къ милому предѣлу
 Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать —

выразилась еще съ большей рельефностью въ одномъ наброскѣ въ 4 стиха, неизвѣстно когда сдѣланномъ (въ изд. Ефремова вставлены въ I т. на 504 стр. подъ 1824 годомъ):

Два чувства дивно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Такъ какъ послѣдняя строка прямо отвѣчаетъ второму куплету „Дорожныхъ жалобъ“ („среди отеческихъ могилъ“), то можно думать, что этотъ набросокъ сдѣланъ около 1829 г.

Мысль о смерти часто посѣщала Пушкина, и даже въ юношескихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ его она изрѣдка проскальзываетъ; съ теченіемъ времени она усиливалась, и въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ былъ убѣжденъ въ скорой кончинѣ. „Замѣчательно“, говоритъ Анненковъ по поводу пребыванія Пушкина въ Петербургѣ зимой 1829 г., „что въ средѣ живой дѣятельности, въ цвѣтѣ силъ и таланта, мысль о смерти стала мелькать передъ глазами Пушкина съ неотвязчивостью“. Этой мыслью внушены „Дорожнія жалобы“, „Безумныхъ лѣтъ“, „Брожу ли я“, многія мѣста въ *Евгеніи Онѣгинѣ*. Но всего сильнѣе эта мысль обнаружилась въ одномъ изъ предсмертныхъ стихотвореній Пушкина, изданномъ въ 1881 г. въ Русскомъ Архивѣ („Бумаги А. С. Пушкина“, стр. 173). Подъ этимъ стихотвореніемъ стоитъ отмѣтка (Родригъ); несомнѣнно, что это часть того матеріала, на основаніи котораго Пушкинъ написалъ романъ „Родригъ“, но часть настолько субъективная, что Пушкинъ не внесъ ее въ печать:

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.

*

Онъ сказалъ мнѣ: будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь Царствія небесъ,

Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

*

Ужъ готовить ангель смерти
Для тебя святой вѣнецъ...
Отрѣшишь воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

*

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить и не вѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

*

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь,
Успокой меня, Творецъ!
Но твоя да будетъ воля,
Не моя... Кто тамъ идетъ?

Сонъ о старцѣ — вѣстникъ смерти — весьма естественный при часто посѣщавшей Пушкина мысли о скорой кончинѣ. Затѣмъ — какъ всѣ сны въ поэзіи Пушкина — сонъ о старцѣ отличается глубокой психологической и культурно-исторической правдой. Подобнаго рода сны мнѣ приходилось встрѣчать въ житейной литературѣ.

Ангель смерти — образъ библейскій, хорошо усвоенный христіанскимъ искусствомъ, письменностью и народной поэзіей, о чемъ см. *Жданова* Къ литерат. ист. 42, 220, 241.

Жизнь — ораніе поля, лѣта — волю, умереть „отрѣшить воловъ отъ плуга на послѣдней бороздѣ“ — эти возвышенные образы, идущіе изъ глубины древнѣйшихъ земледѣльческихъ цивилизацій — повторяются у многихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ паннонскомъ житіи св. Меодія св. Кириллъ пе-

редь смертью († 869) говорить брату: „се, брате, двѣ супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свой день скончавъ, а ты любиши гору вельми (уединеніе на г. Олимпѣ), ты не мози, горы ради, оставити ученія своего. Паче бо можеши спасенъ быти“, т. е., мы были, братъ, двумя волами, вспахивавшими одну борозду, и я палъ на чертѣ, день мой кончился“ . . .

У *Хомякова*:

Неброшу плуга рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва твоего.

У *Шевченка*:

. Орю
Свій перелигъ — убогу ныву,
Та сію слово

Въ народ. пѣс. у *Головацкаго* II 760:

Воли мои старенькіи — не ораты вами,
Лѣта мои молоденькіи — то жъ ми жалъ за вами..

Пушкинъ, какъ поэтъ гениальный, стоялъ на высотѣ всемірно-историческихъ художественныхъ образовъ, и потому понятны его симпатіи ко всему великому и оригинальному въ литературахъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ.

Весьма замѣчательно окончаніе стансовъ „Брожу ли я“ . . .

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа,
Красою вѣчною сіять.

Тургенева возмущало это равнодушіе природы; его негодованіе по этому поводу съ особенной рельефностью выразилось въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“, преимущественно въ стих. „Природа“ (1879). Тургеневъ предъявлялъ природѣ преувеличенныя требованія, въ родѣ тѣхъ, какія предъявлялись въ старину при геоцентрической

теоріи; но солнце ничего не потеряло, человѣчество въ культурномъ отношеніи сдѣлало огромное приобрѣтеніе, когда стало извѣстно, что солнце не состоитъ у земли въ крѣпостной зависимости. Пушкинъ относится къ природѣ проще, и все его вниманіе сосредоточивается на чловѣческой жизни. Сама природа позаботилась, чтобы продолжительность отдѣльнаго существованія съ доступнымъ ему каждый разъ просторомъ имѣла свои границы, и чтобы свѣжему, впервые развивающемуся сознанію новорожденнаго человѣка міръ являлся всегда новымъ. Въ отношеніи своихъ общихъ свойствъ — это ужъ старый, пройденный путь; но для новаго существа природа по прежнему богата возбужденіями, какъ будто никто ихъ не испытывалъ; молодая жизнь жадно пьетъ изъ чаши бытія, и, нельзя сказать, чтобы она шла исключительно проторенной дорожкой. При безконечномъ разнообразіи міра для всякой новой жизни складывается своеобразное теченіе; изъ безконечно разнообразнаго переплета прежнихъ чловѣческихъ существованій возникаетъ новая картина, и то тамъ, то сямъ вносятся новыя творческіе элементы для дальнѣйшей жизни, физической, умственной и нравственной.

„Все новое рождается изъ стараго и въ сущности не ново“, говоритъ акад. *А. И. Веселовскій* въ рецензіи на „Мои досуги“ *Ө. И. Буслаева*; „мы сидимъ на берегу той же великой рѣки исторіи, у которой лежали осѣдлости предковъ; наши розы и терніи выросли на щебнѣ, накопленномъ отъ поколѣній и производившемъ такія же, если не тѣ же терніи и розы, почему въ извѣстномъ смыслѣ порицаніе настоящаго есть порицаніе прошедшаго и, наоборотъ, остріе отрицанія притупляется въ этомъ взглядѣ, роднящемъ между собою раздѣленное вѣками, но соединенное однимъ движеніемъ прогресса; въ чловѣкѣ, проникнутомъ этимъ взглядомъ, господствующей психической чертой будетъ чувство благоволенія, соединяющаго въ одномъ тепломъ чувствѣ далекое прошлое

съ настоящимъ, хотя и непригляднымъ, но общающимъ лучшее будущее“.

Чувство искренняго благоволенія къ людямъ вообще, въ молодой жизни въ особенности, составляетъ признакъ истинной поэзии. Для полноты настоящей жизни необходима связь ея съ прошлымъ и надежда на лучшее будущее въ потомствѣ. Обобщеніе настоящей жизни съ прошлой и будущей обнаруживается уже въ народномъ эпосѣ, въ заключительныхъ эпическихъ благожеланіяхъ, и затѣмъ у выдающихся поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Доброжелательное отношеніе къ молодой жизни, проникающее стихотворенія Пушкина, оказывается въ сходной формѣ въ концѣ „Дворянскаго гнѣзда“ Тургенева. Лаврецкій заѣзжаетъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ испыталъ чистую любовь, гдѣ все полно для него дорогими воспоминаніями, возвращается усталый, съ постарѣвшей душой, и встрѣчаетъ новое поколѣніе, полное жизни, веселое, шумливое. „Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ — и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденія — онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ длетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія, оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не присорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—ничего. „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы“, думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ, „жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами“....

Пушкинъ и Тургеневъ принадлежали къ числу отзывчивыхъ или точнѣе симпатическихъ людей.

Въ классической древности греческій философъ Аницерисъ, послѣдователь Аристипа, установилъ принципиальное раздѣленіе общей морали на двѣ группы, именно, онъ различалъ чувства, имѣющія центръ тяжести въ собственномъ я, отъ чувствъ, которыя помѣщаютъ этотъ центръ въ другомъ я. Первые онъ назвалъ идіопатическими, вторыя симпатическими возбужденіями. Изъ новыхъ философовъ на необходимости и основательности такого дѣленія области чувства настаиваетъ Дюрингъ въ соч. о цѣнности жизни (рус. переводъ 1894 г. стр. 48—50). „Человѣку нужна не одна природа, говоритъ Дюрингъ; прежде всего онъ нуждается въ ближнихъ. Въ этомъ все наслажденіе, все горе нашего рода. Существуетъ громадная разница между мученіемъ, причиняемымъ неудовлетворенной потребностью, имѣющею въ своемъ основаніи простое возбужденіе природы, и страданіемъ, вытекающимъ изъ обиды человѣка человѣкомъ. Вопросъ становится вопросомъ совершенно иного порядка, когда мы переходимъ отъ общихъ недостатковъ и лишеній, свойственныхъ жизни, къ тѣмъ несправедливостямъ, которыя человѣкъ можетъ испытывать только отъ человѣка. Всѣ несправедливости природы, всѣ болѣзни, всѣ лишенія являются переносимымъ бѣдствіемъ, въ сравненіи съ мучительностью страданія, которое человѣкъ причиняетъ другому своимъ эгоизмомъ и враждою, своимъ вѣроломствомъ и преслѣдованіями, своими оскорбленіями и несправедливостями. За то нѣтъ и радостей, болѣе напряженныхъ и содержательныхъ, какъ тѣ, которыя можетъ переживать человѣкъ лишь по отношенію къ другому человѣку. Высота наслажденія соотвѣтствуетъ глубинѣ горя. Жизнь, развившаяся до симпатическихъ чувствъ, открываетъ новые горизонты. Шансы невѣроятно расширяются, является возможность пережить всю скалу радости и горя, начиная съ муки неудовлетворенной общей потребности вплоть до смертельнаго страданія отъ оскор-

бленія челоѣческаго чувства, начиная съ чувственнаго наслажденія и низшихъ желаній и кончая высшимъ удовлетвореніемъ любовью и возвышенными представленіями о чести и славѣ. Вся эта ширь чувствованія обязана своимъ существованіемъ лишь тому обстоятельству, что челоѣкъ во всей своей совокупности можетъ стать объектомъ чувствъ другаго челоѣка. Насъ волнуютъ до глубины души не частности, испытываемыя нами другъ отъ друга, въ смыслѣ добра и зла, но все настроеніе челоѣка, дѣйствующаго во враждебномъ или сочувственномъ намъ направленіи. Оскорбительныя и благопріятствующія намъ факты служатъ для насъ лишь внѣшнимъ выраженіемъ того, что внутренне за и противъ насъ; именно сознаніе этихъ отношеній и опредѣляетъ состояніе нашего духа“.

XIV.

Стихи, сочиненные ночью.

Подъ такимъ заголовкомъ извѣстно слѣдующее стихотвореніе Пушкина 1830 г.:

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня,
Парки бабѣ лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопоть,
Укоризна или ропоть
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу

Эти стихи вышли изъ душевнаго настроенія, породившаго ранѣе въ 1828 г. извѣстное стихотвореніе „Даръ напрасный“. Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ обнаруживается стремленіе проникнуть въ тайны жизни. Стихотвореніе 1828 г. болѣе пессимистично. Здѣсь поэтъ прямо говоритъ: „и томить меня тоскою однозвучной жизни шумъ“, а въ стихахъ 1830 г. только чувствуется эта тоска, чувствуется презрительное отношеніе къ жизни, какъ „бабѣму лепетанію парки“. Любопытная черта —

опредѣленіе интенсивности жизни по звукамъ, черта обнаруживающаяся и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напр., „Пророкъ“.

Ночныя впечатлѣнія, повидимому, имѣли важное значеніе въ творчествѣ Пушкина. Уже въ первомъ его еще отроческомъ стихотвореніи на рус. языкѣ, въ „Письмѣ“ 1812 г., упоминается ночь: „накинутъ ночи тѣни покровы намъ свои“. За тѣмъ ночь и ночныя впечатлѣнія воспроизводятся во многихъ стихотвореніяхъ: *Къ сестрѣ, Кольна, Элега, Оскаръ, Блаженство, Къ Батюшкову, Романсъ, Городокъ* 1814 г., *Воспоминанія въ Царскомъ селѣ, Кавказъ, Бова, Наполеонъ на Эльбѣ, Мечтатель, Посланіе къ Галичу, Сраженный рыцарь, Гробъ Анакреота, Отъ всенощной . . .* 1815 г., *Фавнъ и Пастушка, Къ Морфею, Изъ письма къ кн. Вяземскому, Къ ней, Амуръ и Гименей, Напѣвникъ, Сонъ, Къ молодой вдовѣ, Къ Наташѣ, Осеннее утро, Разлука, Элегія, Окно, Мъсяцъ, Друзьямъ, Пробужденіе* 1816 г., *Моему Аристарху, Письмо къ Лидѣ* 1817 г., *Русалка* 1819 г., *Русланъ и Людмила, Дорида, Платонизмъ, Первая мысль Кавказскаго плѣнника, Погасло дневное свѣтило, О двароза, Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда, Черная шаль* 1820, *Кавказскій плѣнникъ, Наперсница волшебной старины, Братья разбойники* 1821, *Вадимъ, Блеститъ луна . . . , Въ юлубомъ эфира полѣ, Бахчисарайскій фонтанъ* 1822, *Ненастный день потухъ, Ночь* 1823, *Испанскій романсъ, Цыгане* 1824, *Желаніе славы, Египетскія ночи* 1825, *Зимняя дорога* 1826, *Соловей, Кто знает край* 1827, *Не пой, Воспоминаніе, Полтава, Опричникъ, Утопленникъ* 1828, *Примѣты. На холмахъ Грузіи, Зима, что дѣлаетъ . . . , Зимнее утро, Евгений Онегинъ* 1829, *Бѣсы, Осень, Заклинаніе, Стихи, сочм. ночью, Я здѣсь, Инезилья* 1830, *Когда въ объятія мои* 1831, *Начало повѣсти. Альфонсъ, Шотландская баллада, Русалка, Видѣніе короля* 1832, *Гусаръ, Воевода, Мѣдный всадникъ* 1833.

Не всѣ обрисовки ночи художественны и не всѣ

оригинальны. Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина, за немногими исключеніями (ст. *Сонъ* и нѣсколькихъ другихъ), ночь встрѣчается какъ подражаніе Парни и Жуковскому. Въ стихотвореніяхъ 20-хъ годовъ и болѣе позднихъ ночь обрисована по непосредственному впечатлѣнію, своеобразно и выразительно. Таковы ночи крымскія (въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“) одесскія (въ „Евг. Онегинѣ“), малорусскія (въ „Цыганахъ“ и въ „Полтавѣ“) и великорусскія (въ „Зимней дорогѣ“, „Утопленникѣ“, „Опричникѣ“, „Бѣсахъ“ и др.). Въ прелестномъ маленькомъ ст. „Ночь“ ярко пробивается жажда жизни и любви. Повидимому, въ ночной тишинѣ такая жажда особенно томила поэта, гдѣ бы онъ ни былъ, въ дорогѣ („Зимняя дорога“) или дома („Ночь“ 1823, „Стихи соч. ночью“ 1830 г., сонетъ „Брожу ли я“, нап. въ 3 часа ночи). По ночамъ Пушкинъ давалъ себѣ отчетъ о прожитомъ днѣ, всей прожитой жизни. Въ „Воспоминаніи“ 1828 г. находится слѣдующее замѣчательное признаніе поэта:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмня стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда —
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья;
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горять во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминанье безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строеъ печальныхъ не смываю . . .

По собственному признанію Пушкина, ночь вдохновляла его окрыляла, его воображеніе. Чаще всего признаніе

это встрѣчается въ стихотвореніяхъ 1830 года. Въ драматическихъ сценахъ „*Моцартъ и Сальери*“ упоминается „творческая ночь“; въ „*Трудъ*“ Пушкинъ прямо говоритъ: „Жаль мнѣ труда—молчаливаго спутника ночи, друга Авроры златого“. — Въ „*Осени*“ 1830 г. находится такое сообщеніе поэта о вліяніи на него осеннихъ ночей:

... гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
 Огонь опять горитъ — то яркій свѣтъ льетъ,
 То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
 Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
 И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
 Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
 И пробуждается поэзія во мнѣ:
 Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
 Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
 Излиться, наконецъ свободнымъ проявленіемъ
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
 И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И рѣшмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута — и стихи свободно потекутъ.

Пушкинъ писалъ большею частью по ночамъ. Такъ, „Евгеній Онѣгинъ“ начатъ ночью (28 мая 1822 г. въ Кишиневѣ), „Брожу ли я“ написано въ 3 ч. ночи.

Не одинъ Пушкинъ вдохновлялся по ночамъ. Повидимому, художественныя натуры имѣютъ склонность къ ночнымъ впечатлѣніямъ. Диккенсъ любилъ гулять по ночамъ. Гете въ уста Фауста вкладываетъ такое признаніе:

Verlassen hab ich Feld und Auen,
 Die eine tiefe Nacht bedeckt,
 Mit ahnungsvollem, heiligem Grauen
 In uns die bessere Seele weckt.
 Entschlafen sind nun wilde Triebe.
 Mit jedem ungestümen Thun;

Es reget sich die Menschenliebe,
 Die Liebe Gottes regt sich nun.

 Vernunft fängt wieder an zu sprechen,
 Und Hoffnung wieder an zu blühn;
 Man seheth sich nach des Lebens Bächen,
 Ach! nach des Lebens Quelle hin.

Въ переводѣ г. Холодковскаго (несовсѣмъ точномъ):

Покинулъ я поля и нивы;
 Они туманомъ облеклись.
 Душа смири свои порывы!
 Мечта невинная проснись
 Утихла дикая тревога
 И не бушуетъ въ жилахъ кровь:
 Въ душѣ воскресла вѣра въ Бога,
 Воскресла къ ближнему любовь.

.
 (Когда опять въ старинной кельѣ
 Заблещетъ лампа, другъ ночей,
 Возникнетъ тихое веселье
 Въ душѣ смирившейся моей).
 И снова мысли зароятся,
 Надежда снова зацвѣтетъ —
 И вновь туда мечты помчатся,
 Гдѣ жизни ключъ струею бьетъ.

Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій въ статьѣ „Смерть въ художественномъ воспроизведеніи“ (рядъ фельетоновъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1893 г. № 255 и слѣд. о „Скучной исторіи“ Чехова сравнительно съ „Фаустомъ“ Гете), затрагивая мимоходомъ ночныя впечатлѣнія художниковъ, даетъ мѣткую характеристику соотвѣствующаго психологическаго настроенія: „Ночью въ „часы всемірнаго молчанія“ (какъ сказалъ Тютчевъ) совершается актъ соединенія въ одно гармоническое цѣлое различныхъ, преимущественно — высшихъ элементовъ души,

разъединенныхъ дневною суетою. Процессъ повседневной жизни дробитъ нашу душу на мелкія части; мы живемъ не всѣмъ существомъ своимъ, а какъ бы клочками сознанія, вращающимися вокругъ одного центра, который есть наше „я“. Мелкія чувства, мимоидущія мысли, маленькія и большія заботы, огорченія, радости, текуція потребности и пр. и пр. — все это дробитъ наше сознаніе, разъединяетъ его элементы и дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на высшія стремленія разума и чувства. Это состояніе психической дисгармоніи, это диссонансъ души, это — сама проза, когда мы рѣшительно не въ состояніи ни подумать, ни почувствовать что-нибудь высокое великое, всеобъемлющее. За то ежеминутно мы думаемъ или чувствуемъ: я, меня, для меня, обо мнѣ, я, я, я... Весь міръ вращается вокругъ этого маленькаго центрика. Совсѣмъ иную картину представляетъ наша душа въ тѣ рѣдкія минуты, когда напр. глубокая тишина ночи пробуждаетъ въ насъ, какъ говоритъ Гете, „лучшую душу“. Это гармоническое состояніе духа, который уже не разрывается на части; всѣ мелочи мыслей, чувствъ, желаній, потребностей и т. д. исчезли, и высшія стремленія ума и сердца освободились. Осуществляется высшій строй души: она хочетъ обнять мыслью и почувствовать что-нибудь огромное, міровое, всечеловѣческое. Ей нужны далекіе горизонты, перспективы мысли, уходящія въ безконечность, широкій разливъ чувства. И въ этомъ просторѣ мысли, въ этой шири чувства потонуло наше „я“; мы уже не думаемъ о себѣ, міръ пересталъ вращаться вокругъ насъ, мы сами потонули въ этомъ мірѣ и вмѣстѣ съ нимъ вращаемся вокругъ невѣдомаго центра. Человѣкъ въ такія минуты чувствуетъ себя въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Мысль и чувство сливаются въ одно гармоническое цѣлое. Сила, которая тутъ дѣйствуетъ, есть *симпатическое воображеніе*, безъ котораго нельзя ни понимать, ни любить. Подъ его чарами мысль перестаетъ быть холодной и захватываетъ человѣка такъ, какъ будто она — не мысль, а чувство. Въ свою очередь

и чувство становится широкимъ и свѣтлымъ, какъ мысль. Это — любовь, высшая, всечеловѣческая, гуманная¹⁾.

Байронъ всегда писалъ по ночамъ (*Брандесъ*, Главн. теченія... Англ. литерат. 125). На Достоевскаго ночные сумерки производили тяжелое гнетущее впечатлѣніе. „Это самая тяжелая мучительная боязнь чего то, такъ объяснилъ онъ свое душевное настроеніе по ночамъ, чего я самъ опредѣлить не могу, чего то непостижимаго и несуществующаго въ порядкѣ вещей, но что непременно, можетъ быть сію же минуту осуществится, какъ бы въ насмѣшку надъ доводами разума, придетъ ко мнѣ и станетъ передо мною, какъ неотразимый фактъ, ужасный, безобразный и неумолимый“. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ проявленіе такого душевнаго настроенія, которое охватываетъ каждаго человѣка въ исключительные моменты мнительности и страха, которое по временамъ

¹⁾ Г. О. Куликовскій подкрѣпляетъ свою мысль изящнымъ стихотвореніемъ:

Жаркое солнце сокрылось,
 День хлопотливый угасъ,—
 Близится радостный часъ;
 Тихая ночь пробудилась.
 Спите, заботы дневныя,
 Ночь вамъ приноситъ покой;
 Тихія грезы ночныя
 Легкой несутся толпой,
 Дивныя рѣютъ видѣнья,
 Крадутся въ сердце мечты,
 Сердце проснулось, и ты
 Вновь занялось, вдохновенье!
 Чудная, властная тишь!
 Ночь! Въ величавомъ молчаньи
 Ты надъ землею царишь.
 Тихо во всемъ мірозданьи,
 Тихо въ морской глубинѣ,
 Тихо и тамъ, въ вышинѣ,
 Тихо... но сердце не дремлетъ,
 Сердце трепещетъ и — внемлетъ
 Этой нѣмой тишинѣ...

охватывало Пушкина и прекрасно имъ выражено въ ст. „Мнѣ не спится“, которое слишкомъ завладѣло Достоевскимъ, по причинѣ его эпилепсїи, вообще не совѣмъ нормальнаго психическаго состоянія, что выразилось въ патологическомъ характерѣ всѣхъ его литературныхъ персонажей и въ его склонности къ изображенію пороковъ и преступленій.

Въ стихотвореніи „Мнѣ не спится“ основная мысль, основное желаніе (проникнуть въ смыслъ ночи) выражено въ видѣ вопроса въ концѣ:

Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу.

Поэтъ вслушивается въ таинственную темноту ночи, и онъ слышитъ лишь однозвучное тиканье часовъ; но за этимъ дѣйствительнымъ звукомъ всплываютъ звуки воображаемые. Пушкинъ любилъ останавливаться на звуковыхъ явленіяхъ, любилъ расширять ихъ до колоссальныхъ размѣровъ, причемъ въ природѣ всегда въ такомъ случаѣ открывается нѣчто новое и великое, нѣчто таинственное и загадочное, и дольней лозы прозябанье, и гадъ морскихъ подводный ходъ. Съ помощью крайняго напряженія слуха поэтъ хочетъ далѣе проникнуть въ тайны жизни, и ему чудится:

Парки бабѣ лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня.

Звуки сокровенные, вырванные изъ тайниковъ жизни, изъ всего ея прошлаго и настоящаго, изъ круга явленій физиологическихъ, историко-культурныхъ и мифологическихъ. При рационалистическомъ объясненіи, это біеніе сердца, ровный темпъ пульса, это слуховое опредѣленіе жизнедѣятельности организма. При культурно-историческомъ и мифологическомъ объясненіяхъ—эта таинственная пряжа жизни въ невидимыхъ рукахъ парокъ, мойръ, урисницъ, рожаницъ, доли и недоли, судьбы. „Жизни мышья бѣготня“ напоминаетъ мифологическое представленіе души въ зооморфическомъ образѣ мыши. На этомъ представленіи

видѣтся много народныхъ сказаній и повѣрій. напр., сказанія о великихъ преступникахъ, съѣденныхъ мышами, съ историческими приуроченіями къ Попелу, Гаттону и др., о чемъ см. мое изслѣдованіе „Мышь въ народ. словесности“ 78 и сл. Представленіе души въ видѣ мыши и нынѣ встрѣчается у многихъ европейскихъ народовъ, какъ культурное переживаніе, о чемъ подробнѣе см. въ соч. *Потебни*, О мифич. знач. нѣкотор. обрядовъ и повѣрій 90—94, 151. Въ дополненіе къ фактическимъ даннымъ у Потебни отмѣтимъ нѣсколько характерныхъ проявленій этого древняго представленія: Въ Германіи существуетъ повѣрье, что ребенку слѣдуетъ спать съ закрытымъ ртомъ; иначе изъ него можетъ уйти душа (*Lippert, Christenthum*, 570). Въ осетинской сказкѣ богатырь попадаетъ къ клякастой дѣвицѣ. Когда дѣвица хотѣла его съѣсть, изъ угла комнаты выбѣжала душа его матери и предупредила его объ опасности. Клякастая дѣвица со злости проглотила эту мышъ; но она выскочила у ней изъ задѣ (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 298). Весьма любопытной представляется слѣдующая латышская сказка „о блужданіи души“: Однажды пасли два пастуха скотъ. Они уговорились, что когда одинъ будетъ пастись скотъ, то другой въ это время будетъ спать. Одинъ легъ и вскорѣ заснулъ. Другой шелъ мимо его и видитъ: изо рта спящаго выползла рыжеватая мышъ не болѣе сверчка и побѣжала. Захотѣлось ему узнать, что это за мышъ. Онъ оставилъ скотъ и побѣжалъ за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ, лѣсамъ и полямъ, забѣжала въ большое болото, побывала въ старомъ дубѣ, разбитомъ молніей, и тѣмъ же путемъ возвратилась обратно и вползла въ ротъ спящаго. Когда онъ проснулся, то сказалъ, что видѣлъ во снѣ, что ходилъ по горамъ и долинамъ, полямъ и болотамъ и въ одной башнѣ видѣлъ много денегъ. Товарищъ его догадался что это за башня; отправились вдвоемъ къ дубу и нашли въ немъ кладъ (*Трейландъ*, во II выш. Сборн. матер., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ, 135). Въ вотяцкой сказкѣ, приведенной въ

книгѣ проф. И. Н. Смирнова: „Вотяки“, душа умершей женщины выходитъ изъ могилы мышкой, затѣмъ обарачивается въ собаку, потомъ въ корову, наконецъ въ женщину. Возвращаясь въ могилу, она продѣлываетъ тѣ же превращенія въ обратномъ порядкѣ (см. Этногр. Обзор. VI, 242). Въ Чехіи извѣстна слѣдующая сказка: Три ремесленника заблудились въ лѣсу и мучимые жаждой стали искать воды. Одинъ изъ нихъ, насъучивъ поисками, заснулъ. Другіе продолжали искать, нашли ручей и напились, затѣмъ, вернувшись къ спящему товарищу, легли возлѣ него. Вдругъ они увидѣли, что изъ его рта выскочила бѣлая мышь, побѣжала къ ручью, напилась воды и снова вскочила въ ротъ спящаго. Тогда товарищи разбудили его и сказали: ты такъ лѣнивъ, что твоя душа сама должна ходить за водой, и мы не хотимъ имѣть съ тобой никакого дѣла (*Grohmann, Sagenbuch von Böhmen*, стр. 234). Въ малорусской картинѣ страшнаго суда XVIII вѣка на коромыслѣ вѣсовъ „лѣнвицы до церкви“ на чашкѣ съ злыми дѣянiями изображена мышь (*Покровскій*, въ III т. Трудовъ Одес. Арх. Съѣзда, 327). Здѣсь мышь служитъ символомъ грѣшной души.

Таинственный ночной шопоть является результатомъ прошлаго и предвѣстіемъ будущаго:

Что ты значишь, скучный шопоть?

Укоризна или ропоть

Мной утраченнаго дня?

Отъ меня чего ты хочешь?

Ты зовешь или пророчишь? . . .

При возбужденномъ воображеніи крестьянинъ слышитъ шопоть и сонъиіе, предполагаетъ присутствіе домоваго и также спрашиваетъ: къ добру или худу?

Въ связи съ этимъ мѣстомъ стоитъ у Пушкина другое, въ VI п. Евгеніа Онѣгина строфа XXI. Здѣсь Ленскіей ночью передъ дуэлью пишетъ:

Что день грядущій мнѣ готовитъ?

Его мой взоръ напрасно ловитъ

Въ глубокой мглѣ таится онъ . . .

Въ Запискахъ Смирновой, въ высшей степени интересныхъ и важныхъ по обилію свѣдѣній о Пушкинѣ, находится любопытное сообщеніе, что Пушкинъ иногда во снѣ видѣлъ художественные образы и, проспавшись, снѣшилъ рассказать о нихъ женѣ. Это сообщеніе подтверждаетъ справедливость стиховъ II. въ I гл. Евгеніа Онѣгина:

Бывало, милые предметы

Мнѣ снились, и душа моя

Ихъ образъ тайный сохранила,

И послѣ муза оживила . . .

гинала. Сомнѣнія и невѣріе не проходятъ безслѣдно, и Пушкину трудно было такъ проникнуться религіознымъ настроеніемъ, какъ проникнуть былъ, напр., Жуковский.

Въ жизни человѣка большое значеніе имѣютъ мелкія впечатлѣнія дѣтства. И въ жизни Пушкина, въ смыслѣ сохраненія и развитія религіознаго чувства, путеводной звѣздой была та лампадка, которую няня его Арина Родіоновна зажигала въ спальнѣ передъ образами въ дѣтскіе его годы, и тѣ молитвы, которыя она читывала въ слухъ надъ дѣтской его колыбелью.

Въ стих. „Сонъ 1816 г. Пушкинъ говоритъ:

... дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
 Ахъ умолчу ль о мамушкѣ моей,
 О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
 Она духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекреститъ меня
 И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
 Отъ ужаса не шелохнусь бывало;
 Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
 Чуть освѣщаль глубокія морщины.

Проста была лампада; но она глубоко врѣзалась въ памяти геніальнаго ребенка.

Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ 1822 года спальня плѣнной Маріи въ ночное время обрисована такъ:

Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивоть печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
 И крестъ, любви символъ священный...

Эта прекрасная строфа является родоначальницей цѣлаго ряда позднѣйшихъ стихотвореній Пушкина, въ частности сонета „Мадона“ 1830 г.

XV.

Стихи о лампадѣ.

Въ молодости Пушкинъ по временамъ (напр. въ поэмѣ „Гавриліада“) о священныхъ лицахъ и событіяхъ говорилъ съ крайнимъ легкомысліемъ и чувственностью. Въ зрѣлые годы онъ проявилъ большое уваженіе къ священнымъ традиціямъ, обнаружилъ наклонность къ религіознымъ поэтическимъ мотивамъ и сталъ перекладывать церковныя пѣснопѣнія. Въ научной литературѣ неоднократно обнаруживалась попытка въ рѣзкому противоположенію послѣдняго религіознаго настроенія Пушкина его раннему невѣрію, что не можетъ быть оправдано съ научной точки зрѣнія. И въ молодые годы Пушкину не было чуждо религіозное чувство; и въ пожилые годы, если только можно такъ назвать тридцатые его годы, религіозное чувство не было у него особенно глубоко и интенсивно. Пушкинъ, какъ извѣстно, съ великимъ мастерствомъ передавалъ чужое литературное содержаніе и часто въ подражаніяхъ превосходилъ оригиналы (см. мои статьи о „Пророкѣ“ и „Сонетѣ“), но въ переложеніи извѣстной молитвы Ефрема Сирина „Господи, Владыко...“ Пушкинъ не могъ подняться до высоты и простоты ори-

Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.

Эти слова, обращенныя Пушкинымъ къ Заремѣ, могутъ быть примѣнены къ самому поэту. Кроткій ликъ Пречистой Дѣвы и лампада передъ нимъ будили въ немъ „что-то родное“, воспоминаніе о незабвенныхъ почвахъ дѣтства.

Въ черновомъ наброскѣ 1823 г. „праведникъ изнеможенный, въ цѣпяхъ, на казнь осужденный, съ лампадой, брежущей во тьмѣ“ (*Бартевель*, Бумаги Пушкина, 141).

Въ стих. „Андрей Шенье“ 1825 г. въ тюрьмѣ, въ ночь передъ казнью поэта

. . . . все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею . . .

Послѣдніе два образа, очевидно, тождественны; различны лишь приложенія.

Въ превосходной „Вакхической пѣснѣ“ 1825 г.:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ,
Предъ солнцемъ бессмертнымъ ума,
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Въ „Борисъ Годуновъ“ 1825 г. лѣтописецъ Пимень пишетъ передъ лампадой;

Но близокъ день; лампада догараетъ.

Въ „Началѣ повѣсти“ (г. Кфремовъ относитъ предположительно къ 1832 г.):

Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ библію

Всѣ эти образы, очевидно, тождественны; всѣ они вышли изъ одного и того же родника, изъ дѣтской души Пушкина, всѣ они сохранены и воспитаны Пушкинымъ свято и нерушимо, не смотря на „уроки чистаго атеизма“, не смотря на вспышки чувственной фантазіи въ „Гавриладѣ“.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ отдѣльными мѣстами стихотвореній. Перейдемъ теперь къ двумъ стихотвореніямъ всецѣло порожденнымъ свѣтомъ лампы.

Въ VII подражаніи Корану 1824 г.

Возстань, боязливый:	Печальныя мысли,
Въ пещерѣ твоей	Лукавыя сны!
Святая лампада	До утра молитву
До утра горитъ.	Смиренно твори,
Сердечной молитвой,	Небесную книгу
Пророкъ, удали	До утра читай!

Г. *Шоливановъ* замѣчаетъ по поводу этого стихотворенія (II, 40): „Ночная и утренняя молитвы неоднократно предписываются въ Коранѣ. Представить же въ картинѣ это удаленіе пророка для чтенія Корана и для молитвы въ пещерѣ, при свѣтѣ лампы—уже собственный замыселъ Пушкина“. Эта черта чрезвычайной важности: она свидѣтельствуетъ о большой устойчивости дѣтскихъ впечатлѣній Пушкина и глубокомъ вліяніи ихъ на все послѣдующее его художественное творчество.

Въ первой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1881 г. помѣщено слѣдующее неизданное стихотвореніе Пушкина—переложеніе молитвы „Отче нашъ“, неизвѣстнаго времени:

Я слышалъ въ келіи простой
Старикъ молитвою чудесной
Молился тихо предо мною:
„Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое.
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами,

Какъ въ небесахъ, такъ и на земли!
 Насущный хлѣбъ намъ ниспосли
 Твоею щедрою рукою!
 И какъ прощаемъ мы людей,
 Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
 Прости, Отець, своихъ дѣтей!
 Не ввергни насъ во искушенья
 И отъ лукаваго прельщенья
 Избави насъ . . .

Передъ крестомъ
 Такъ онъ молился. Свѣтъ лампы
 Мерцалъ чуть-чуть издалека . . .
 А сердце чаяло отрады
 Отъ той молитвы старика.

Это замѣчательное стихотвореніе написано поэтомъ, вѣроятно, въ концѣ жизни, можетъ быть въ 1836 году, когда была написана молитва „Отцы пустынники“, и представляетъ такимъ образомъ послѣдній полный аккордъ той религіозной симфоніи, которая зародилась въ душѣ Пушкина въ дѣтствѣ, звучала затѣмъ и въ древне-русской, и во французской, и въ магометанской формѣ, пока не получила окончательнаго своего завершения въ связи съ „Молитвой Господней“.

Кстати скажемъ здѣсь два слова относительно принадлежности Пушкипу переложения молитвы „Отче нашъ“. Молитва эта входила въ заграничныя изданія Пушкина, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительныя. *Г. С. Чуриковъ* впервые напечаталъ ее въ 1 кн. Русскаго Архива 1881 г. и предположительно также отнесъ Пушкину. *Г. Ефремовъ* въ собраніи сочиненій Пушкина 1881 г. т. V стр. 540 категорически заявилъ, что эта „Молитва“ не принадлежитъ Пушкину: „не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ и засорять (ею) изданіе едва ли кто рѣшится, тѣмъ болѣе, что „Молитва“ совсѣмъ напоминаетъ Федора Глинку“. „Молитву“ эту съ тѣхъ поръ забыли, и въ новѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина—Павленкова, Поливанова, Литературнаго фонда, ея нѣтъ. На мой

взглядъ, „Молитва“ безусловно пушкинское стихотвореніе, и вмѣсто предполагаемаго „засоренія“ внесеніе ея въ собранія сочиненій Пушкина дастъ имъ лишь новое немаловажное украшеніе. Эта „Молитва“, вѣроятно, написана одновременно съ переложеніемъ извѣстной молитвы Ефрема Сирина. Въ обѣихъ молитвахъ („Я слышалъ“ и „Отцы пустынники“) обнаруживаются сходные приемы поэтическаго творчества; обѣ имѣютъ въ началѣ нѣчто въ родѣ вступленія, обѣ одинаково гармонируютъ съ душевнымъ настроеніемъ Пушкина. „Молитва“ воспроизводитъ, какъ видно изъ предыдущихъ строкъ, излюбленный Пушкинымъ мотивъ о ночной лампадѣ и стоитъ въ близкой связи съ отмѣченнымъ выше подражаніемъ Корану.

По свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго, стихотвореніе это первоначально вызвано не Н. Н. Гончаровой“.

Проф. П. О. Морозовъ въ примѣчаніи къ „Мадоннѣ“ въ изд. Литературнаго фонда 1887 г. т. II стр. 96 говоритъ, что сонетъ этотъ „относится къ Н. Н. Гончаровой, которая въ это время была уже невѣстой Пушкина“.

Этотъ комментарий не обоснованъ на произведеніяхъ Пушкина. Пушкинъ женился въ 1831 г., но о семейной жизни онъ помышлялъ издавна, какъ видно, напр., изъ „Дорожныхъ жалобъ“ 1829 г. „Мадонна“ объясняется не семейнымъ настроеніемъ Пушкина, а общими давними, вынесенными еще съ дѣтства художественными впечатлѣніями. Стихи Пушкина о лампадѣ и его романсъ „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ бросаютъ свѣтъ на „Мадонну“. Эти стихотворенія вышли изъ одного и того же душевнаго настроенія, по временамъ охватывавшаго Пушкина. Настроеніе это восходитъ къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ Пушкина — лампадкѣ передъ иконой Божіей Матери; оно отчетливо выразилось уже въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ 1822 г. въ стихѣ:

Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ . . .

Случайное обстоятельство—пріобрѣтеніе изображенія Мадонны—вызвало въ душѣ поэта рой старыхъ воспоминаній и старыхъ впечатлѣній, ничего общаго не имѣвшихъ съ предстоявшимъ бракосочетаніемъ.

Возможно, что даже нѣкоторыя отдѣльныя слова и выраженія въ „Мадонну“ вошли изъ юношескихъ впечатлѣній и юношескихъ запасовъ памяти. Такъ въ „Мадоннѣ“: Украсить я всегда желалъ свою обитель . . . Въ ст. „Домовому“ 1819 г.: И скромную семьи моей обитель . . . Въ „Мадоннѣ“: Въ простомъ углу моемъ . . . Въ „Воспоминаніи“ 1815 г.: Укрывшись молчаливо въ нашемъ темномъ уголкѣ . . .

XVI.

М а д о н н а.

Въ „Сироткѣ“ 1830 г. папсчтанъ сонетъ „Мадонна“:

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденію знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ тру-
довъ,

Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

Г. Поливановъ, издавая сочиненія Пушкина для семьи и школы, въ I т. 319 стр. помѣстилъ такой комментарий къ „Мадоннѣ“: „Въ этомъ стихотвореніи, выражающемъ живительное дѣйствіе высокаго произведенія искусства на душу поэта, символически выражено то освященіе жилища присутствіемъ существа, полного красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости, которое онъ поэтически разумѣлъ подъ бракомъ. Ожидая такого счастья, онъ выразилъ всю полноту женскаго идеала въ этомъ лирическомъ произведеніи, отождествляя его съ тою, которую считалъ достойной раздѣлить съ нимъ жизнь.“

Правда, мы имѣемъ въ печати кое-какія указанія, что Пушкинъ называлъ иногда свою жену мадонной, но все это такія указанія, гдѣ слово мадонна должно обозначать просто жену, даму сердца, госпожу, съ ироническимъ оттѣнкомъ, и во всякомъ случаѣ не Пресв. Дѣву. Такъ, въ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ князя П. А. Вяземскаго и жены его находится сообщеніе, что Пушкинъ говорилъ иногда о женѣ „мой косоглазая мадонна“, намекая этимъ на ея нѣсколько косые глаза (*Русскій Архивъ* 1888, II, 311). Однажды, жена Пушкина, возвратясь съ бала, на которомъ она вообразила, что мужъ ея ухаживаетъ за м-ше Брюднеръ (что было совершенно несправедливо), дала ему пощечину, о чемъ онъ, смѣясь, рассказывалъ Вяземскому, добавляя, „что у его мадонны рука тяжеленька“ (*Смирнова*, въ *Сѣвер. Вѣстн.* 1894. Сент. 229). Сомнительно, чтобы Пушкинъ даже въ разгарѣ любовнаго увлеченія обобщилъ Пр. Дѣву съ такой пустенькой женщиной, какой была Гончарова.

Въ началѣ 30-хъ годовъ Пушкинъ ознакомился съ средневѣковой рыцарской поэзіей и къ дѣтскимъ его впечатлѣніямъ и наблюденіямъ, изъ разряда отмѣченныхъ въ двухъ послѣднихъ главахъ, прибавилось кое-что со стороны, изъ области средневѣковой романтики; результатомъ этого двойнаго впечатлѣнія, съ перевѣсомъ, впрочемъ, иноземныхъ вліяній, представляется слѣдующій романсъ:

XVII.

Романсъ: „Жилъ на свѣтѣ“...

- 1 Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный
- 2 Молчаливый и простой,
- 3 Съ виду сумрачный и блѣдный
- 4 Духомъ смѣлый и прямой.
- 5 Онъ имѣлъ одно видѣнье
- 6 Непостижное уму —
- 7 И глубоко впечатлѣнье
- 8 Въ сердце врѣзалось ему:
- 9 Путешествуя въ Женеву,
- 10 Онъ увидѣлъ у креста,
- 11 На пути, Марію Дѣву,
- 12 Матерь Господа Христа.
- 13 Съ той поры, сгорѣвъ душою,
- 14 Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
- 15 Онъ до гроба ни съ одною
- 16 Молвить слова не хотѣлъ.
- 17 Онъ себѣ на шею четки
- 18 Вмѣсто шарфа навязалъ,
- 19 И съ лица стальной рѣшетки
- 20 Ни предъ кѣмъ не подымалъ.
- 21 Полонъ чистою любовью,
- 22 Вѣренъ сладостной мечтѣ,
- 23 А. М. Д. своею кровью
- 24 Начерталъ онъ на щитѣ.

- 25 И въ пустыняхъ Палестины,
 26 Между тѣмъ какъ по скаламъ,
 27 Мчались въ битву паладины ¹⁾,
 28 Именуя громко дамъ,
 29 Lumen coeli, sancta Rosa! ²⁾
 30 Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ,
 31 И какъ громъ его угроза
 32 Поражала мусульманъ.
 33 Возвратись въ свой замокъ дальный,
 34 Жилъ онъ, строго заключенъ,
 35 Все безмолвный, все печальный,
 36 Какъ безумецъ умеръ онъ.

Этотъ романсъ впервые былъ изданъ Анненковымъ (въ III т.), съ пропускомъ 4 стиховъ („Путешествуя въ Женеву“ и сл.), которые были приведены въ „Современникъ“ 1866 г. II 305 въ статьѣкъ объ уваженіи къ женщинамъ. Въ „Замѣткахъ“ Г. С. Чирикова на изд. Ефремова 1880, напечатанныхъ въ Рус. Архивѣ, со словъ лицейста М. Д. Деларю, приведены строки, неудачно приписанные другимъ лицомъ:

Цѣлый вѣкъ онъ не молился
 И не соблюдалъ поста,
 Цѣлый вѣкъ все волочился . . .

По мнѣнію Чирикова буквы A. M. D. „конечно должны означать начальныя буквы словъ: Alma Mater Dei“ (стр. 121).

Это стихотвореніе (1832 года) загадочнаго проис-

¹⁾ Паладинъ (средневѣк. palatinus) — придворный (palatium — дворецъ), вообще знатный, въ послѣднее время въ значеніи рыцаря.

²⁾ Небесный свѣтъ, святая роза—средневѣковыя названія Мадонны.

хожденія. Неизвѣстно, откуда Пушкинъ взялъ основной сюжетъ и почему на немъ остановился.

Католическое поклоненіе Мадоннѣ достигло полныхъ своихъ размѣровъ въ средніе вѣка, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда религиозная мысль западныхъ народовъ находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Изображенія Богоматери на иконахъ, опредѣленные еще въ 431 году Эфесскимъ соборомъ, въ восточной православной церкви сохранялись неизмѣнно. Въ латинской церкви художникамъ предоставленъ былъ полный просторъ изображать Богоматерь по своему усмотрѣнію. На Западѣ возникли самыя разнообразныя изображенія Мадонны, выражавшія материнскую любовь и доброту, страданіе по распятомъ Сынѣ, состраданіе къ грѣшнымъ людямъ. Въ картинахъ Мадонны выражалась прелесть женскаго идеала. Подъ возбуждающимъ вліяніемъ живописи и скульптуры возникло отчетливое представленіе о Мадоннѣ, какъ о прекрасной женщинѣ, и экальтивированнымъ (иногда прямо сумашедшімъ) рыцари впамялись въ картины Мадонны, избирали Богоматерь дамой своего сердца и совершали въ честь ея подвиги. Это крайнее и съ православной точки зрѣнія предосудительное выраженіе извѣстнаго рыцарскаго служенія женщинѣ. Но матеріальный характеръ поклоненія Богоматери имѣлъ свою хорошую сторону. Средневѣковый культъ Мадонны содѣйствовалъ смягченію нравовъ. Женщина поднялась во мнѣніи общества. Въ лицѣ Дѣвы и Матери она стала предметомъ почтительнаго поклоненія, о которомъ древность не имѣла никакого понятія. Въ первый разъ была почувствована нравственная прелесть женскаго достоинства. Въ суровые, невѣжественные и мрачные средніе вѣка идеальный типъ Мадонны вносилъ представленія нѣжности и чистоты, неизвѣстныя самымъ гордымъ цивилизаціямъ древности. Источникъ многихъ чистѣйшихъ элементовъ европейской цивилизаціи кроется въ средневѣковомъ идеалѣ Мадонны. Монахъ лѣтописецъ посвящалъ ей строки, исполненные живою нѣж-

ности. Благородныя дѣвушки отказывались отъ всѣхъ удовольствій свѣта и смиренными дѣлами человѣколюбія стремились удостоиться благословенія Богоматери.

Пушкинскій рыцарь — типичный средневѣковой рыцарь эпохи крестовыхъ походовъ, храбрый, мрачный, суровый, склонный къ мечтательности, съ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ. Воображеніе доводитъ его до сумасбродствъ, въ родѣ навязыванія четокъ на шею, избѣганія женщинъ. Въ этомъ отношеніи пушкинскій рыцарь представляетъ родственныя черты съ Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ ¹⁾ и съ литературнымъ образомъ рыцаря-чудака, Донъ-Кихотомъ.

Въ романсѣ, не смотря на незначительный его объемъ мѣтко очерчены главныя черты средневѣковой жизни, поклоненіе Мадоннѣ, уваженіе къ женщинѣ, войны съ мусульманами, рыцарское оруженіе и рыцарская экзальтированность.

Пушкинъ при сочиненіи романса о рыцарѣ руководствовался западно-европейскимъ образцомъ изъ разряда средневѣковыхъ духовныхъ стиховъ и фаблю о рыцаряхъ Маріи Дѣвы. Извѣстно древнефранцузское фаблю „Du chevalier qui oit la messe et Notre Dame estoit pour lui au tournoiment“ (напеч. въ I т. Барбазана и Меона, въ 120 стиховъ). Ближе стоитъ къ романсу Пушкина средневѣковая легенда о женихѣ Маріи, въ 196 стиховъ, въ сборникѣ духовныхъ стиховъ Готье де Куанси (XIII в.) Эта легенда проникла во французскія фаблю: въ сборникѣ Барбазана и Меона (во II т.) „Du varlet qui se maria a Notre Dame, dont ne volt qu'il habitast à autre“. Подобнаго рода духовные стихи существовали и въ старинной нѣмецкой литературѣ. Въ частности были распространены легенды и стихи на тему Ave Maria. Наи-

¹⁾ О Лихтенштейнѣ см. въ „Очеркахъ всемірной исторіи“ М. Н. Петрова и въ „Истор. цивилизациі Германіи“, Шерра, стр. 119—124.

болѣе популярна была легенда о благочестивомъ монахѣ. Ежедневно онъ пѣлъ пять псалмовъ, начинавшихся съ имени Маріи и, когда умеръ, то 5 розъ выросло изъ его устъ, глазъ и ушей. Эта легенда извѣстна по соч. Томы Кантипрата и стариннымъ нѣмецкимъ духовнымъ стихамъ (*Hagen Gesamtabenteuer*, III, № LXXXVIII и LXXXVI). Галатовскій внесъ эту легенду въ „Небо новое“. Пушкинъ не только въ содержаніи, но и по внѣшней формѣ слѣдовалъ за западнымъ образцомъ. Такъ, старинное нѣмецкое стихотвореніе „Marien ritter“ имѣетъ такіе стихи:

Ein ritter was vermezzen
An ritterlichem prise,
Kuene unde wise
Was er und dâ bi tugenthafft
Maria hete grosse kraft
In siner liebe, die er ir
bôt mit staetklicher gi
An dienste mangerleie . . . (*Hagen* III 466).

Другое стихотвореніе „Marien brintegum“ начинается:

In einer stat ein schuoler was,
der dâ sank unde las,
Unz er der kunst wol gedeich;
sin herze sich des nie verzeih,
Er hete lieb Marien,
die reinen wandels vrien,
Gruozte er dik hie und da
mit sinem Ave Maria!

Когда этотъ юноша задумалъ жениться, то Пресв. Дѣва Марія явилась ему во снѣ и упрекала его въ невѣрности; молодой человѣкъ въ первую брачную ночь ушелъ отъ жены въ монастырь и

Mit tugentlicher reinikeit
opfert er die kiuscheit
Marien der Vrouwen sin (*Hagen* III 508—511).

Вообще это древнее нѣмецкое стихотвореніе очень сходно съ пушкинскимъ стихотвореніемъ. Нѣтъ въ немъ только воины рыцаря съ невѣрными. Въ стих. Пушкина 36 стиховъ, въ нѣмецкой вириѣ 88. Первые строки почти тождественны: „жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“— „in einer stat ein schuoler was“; окончаніе также сходное; безумный рыцарь,

Возвратясь въ свой замокъ дальній,

Жилъ онъ, строго заключенъ,

а нѣмецкій его прототипъ, столь же безумный,

er lief dô in der stille

zuo einem klôster hinabe,

dâ er zehant ouch sich begar . . .

Въ домашнихъ замѣткахъ (см. *Анненкова* стр. 257) Пушкинъ говоритъ о трубадурахъ и труверахъ. Въ „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ“ Пушкинъ выводитъ миннезингера Франца, который поетъ шутовскую пѣсенку о пьяномъ мельникѣ и его невѣрной женѣ. Эти подробности подтверждаютъ, что Пушкинъ былъ знакомъ съ древней французской и нѣмецкой поэзіей.

Въ романсѣ Пушкина „Жилъ на свѣтѣ . . .“ изображена обычная въ средніе вѣка форма психическаго расстройства. И въ древніе вѣка проявлялась эта форма умопомѣшательства, въ кругѣ другихъ культовъ. Одинъ древній писатель рассказываетъ о молодомъ человѣкѣ, уроженцѣ города Книда, что онъ по цѣлымъ часамъ созерцалъ Афродиту работы Праксителя. Его считали набожнымъ, а онъ былъ просто влюбленъ безумно. Когда онъ погружался въ свои мечты, грустное настроеніе смѣнялось у него улыбкой, и онъ шепталъ статуѣ о своей любви, а по выходѣ изъ храма писалъ имя богини на стѣнахъ домовъ, вырѣзывалъ на стволахъ деревьевъ. Ежедневно онъ дѣлалъ плѣннвишей его богинѣ дорогія приношенія. Онъ постоянно гадалъ, сжалятся ли она надъ нимъ и, смотря по отвѣту, имъ овладѣвала то порывистая радость, то мрачная печаль. Наконецъ, онъ рѣшился на страшное дѣло: тайкомъ пробравшись въ храмъ,

онъ провелъ всю ночь въ святилицѣ богини. На слѣдующій день онъ исчезъ. Утверждали, что онъ упалъ съ высокой скалы въ море, которое поглотило кощунственнаго юношу и его имя. Филостратъ (греческій софистъ III ст.) рассказываетъ подобную исторію, но съ болѣе счастливою развязкою. Другой молодой человѣкъ умолялъ ту же самую статую Афродиты признать его своимъ женихомъ. Онъ приносилъ ей подарки, общалъ еще лучшіе. Книдяне не видѣли въ этомъ ничего дурнаго; они думали, что слава богини еще болѣе возрастетъ, если міръ узнаетъ, какъ красивый молодой человѣкъ мечталъ быть ея супругомъ. Когда они спросили извѣстнаго философа и языческаго чудотворца Аполлонія Тианскаго († 97 по Р. Хр.) находить ли онъ нужнымъ измѣнить что-нибудь въ ихъ религіозныхъ обрядахъ и службахъ, послѣдній отвѣтилъ: „я желалъ бы перемѣнить ваши глаза“ (*Шербюелле*, Искусство и природа, 8).

Въ параллель къ пушкинскому рыцарю, какъ близкое подобіе древне-греческаго религіознаго помѣшательства, можно указать на біографію знаменитаго итальянскаго живописца XVII в. Карло Дольчи. Это былъ религіозный маниакъ. Онъ посвятилъ свою кисть Мадоннѣ; но для изображенія ея писалъ портреты съ своей невѣсты. Въ день свадьбы Дольчи исчезъ; послѣ долгихъ поисковъ его нашли распростертымъ передъ алтаремъ Богоматери (*Ломброзо*, Гениальность и помѣшательство, 60). Карло Дольчи впалъ въ мрачную меланхолію и умеръ въ слабоуміи въ 1686 году.

Дополненіе къ статьѣ о „Сонетѣ“. Двустиише на переводъ Иліады.

Въ послѣднихъ трехъ строкахъ „Сонета“ Пушкинъ говоритъ:

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

При чемъ тутъ „дѣвы“? Дѣло въ томъ, что въ 1830 г., когда были написаны эти строки, число читателей было уже значительно. Карамзинъ и Дмитріевъ подготовили почву для женскаго чтенія, придавъ литературному языку мягкость и плавность и въ особенности тѣмъ, что внесли въ литературу сентиментализмъ. Въ прозаическихъ замѣткахъ Пушкина по разнымъ вопросамъ литературы и общежитія сохранилась слѣдующая: „Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостью чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами. Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщенны, болѣе читаютъ, болѣе слѣдятъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдаетъ, почему“.

„Дѣвы“ Пушкина въ „Сонетѣ“ означаютъ женщинъ вообще, а послѣдніи взяты потому, что уже въ то время

онѣ начали брать надъ мужчинами перевѣсъ по чтенію книгъ, перевѣсъ болѣе количественный, чѣмъ качественный. Въ другой весьма любопытной замѣткѣ Пушкинъ говоритъ: „жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиной незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самой раздражительной, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изыскаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романы, какъ искажаютъ стихи самыя естественныя, разстраиваютъ мѣру, уничтожаютъ рифму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки“.

Теперь о словахъ П., что Дельвигъ для сонета забылъ „священные напѣвы гекзаметра“. Гекзаметромъ пользовался уже Тредьяковскій, но, при отсутствіи поэтическаго дарованія, весьма неудачно. Дельвигъ во многихъ стихотвореніяхъ держится этой трудной стихотворной формы, и довольно удачно примѣняетъ ее въ оригинальномъ творествѣ, что составляетъ выдающуюся черту его поэзіи, такъ какъ другіе писатели гекзаметромъ пользовались почти исключительно при переводахъ древнихъ авторовъ. Лучше всего гекзаметромъ владѣли Гнѣдичъ и Жуковскій, преимущественно послѣдній. Пушкинъ называлъ гекзаметръ священнымъ; но самъ рѣдко пользовался имъ, какъ размѣромъ, слишкомъ искусственнымъ и неудобнымъ для русскаго языка. Въ 1830 г. (т. е. одновременно съ „Сонетомъ“) Пушкинъ написалъ двустиише „На переводъ Иліады“ (Гнѣдича):

Слышу умокнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Научная критика тогда еще не высказывала сомнѣній

насчетъ принадлежности Иліады и Одиссеи Гомеру, и Пушкинъ въ общемъ единомъ стрѣ этихъ поэмъ въ слѣдъ за другими видѣлъ гениальное личное творчество. И въ этомъ двустороннемъ мѣткѣ отмѣчено художественное достоинство греческаго языка, въ частности древняго гекзаметра. Выраженіе о гекзаметрѣ, какъ „священномъ напѣвѣ“, мѣткое, вполне вѣрное въ историческомъ отношеніи. Какъ извѣстно, Пушкину принадлежитъ еще небольшая журнальная статья о гекзаметрахъ Мерзлякова.

Дополненіе къ статьѣ объ „Аріонѣ“.

Классическій разсказъ объ Аріонѣ въ средневѣковой и новой (преимущественно у нѣмецкихъ романтиковъ Авг. Шлегеля и Тика) литературахъ пользуется значительной популярностью. Въ средніе вѣка разсказъ объ Аріонѣ получилъ дидактическій характеръ и съ соответствующей религіозно-нравственной морализаціей онъ вошелъ въ *Gesta Romanorum* для оправданія того положенія, что „*Quod peccatum hic vel alibi punietur*“. Съ такимъ заглавіемъ, безъ имени Аріона, разсказъ вошелъ въ *Gesta: Refert Agillus de Amore, quod cum ditissimus esset et transire vellet de uno regno in aliud, conduxit navem; sed naute propter pecuniam eum occidere volebant; sed ipse ab eis impetravit, ut prius cantare posset ad honorem delphinis, qui in cantu hominis delectatur. Cum vero in mare projectus esset, delphin eum suscepit et in terram deportavit, et dum naute eum mortuum crederent, ipse in terra apud regem eos accusavit, qui coram rege positi victi sunt et dampnati* (*Gesta Rom.* въ изд. *Oesterley* стр. 506).

Дополненіе къ статьѣ о „Стихахъ, сочиненныхъ ночью“.

Въ концѣ статьи мы отмѣтили любопытныя признакія Пушкина, что художественные образы иногда являлись ему во снѣ. Въ жизни многихъ художниковъ и поэтовъ замѣчено проявленіе творческой способности во снѣ. Такъ, Вольтеръ во снѣ задумалъ одну изъ пѣсень Генріады. Клопштокъ сознается, что когда онъ писалъ свою поэму, вдохновеніе часто являлось къ нему во время сна. Говорятъ, что во время сна Лафонтэнъ сочинилъ басню „Два Голубя“ (*Ломброзо*, Гениальность и помѣшательство, 17). У многихъ русскихъ поэтовъ находимъ стихотворную передачу сновъ. Такъ, гр. А. К. Толстой прямо говоритъ въ одномъ стихотвореніи:

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой

Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ,
и далѣе идетъ, повидимому, точная передача назойливаго сна о мрачномъ дворцѣ на берегу моря. Особенно рельефно описывалъ свои сны *Надсонъ*:

Мнѣ снилось вечернее небо (1881 г.).

Мнѣ снилась смерть (1882).

Мнѣ снился вѣщій сонъ (1884).

Снилось мнѣ, что я боленъ (1884).

Я видѣлъ сонъ: мнѣ снилась ночь глухая (1884).

Снилось мнѣ, что въ глубокую полночь (1885).

Мнѣ снилось, что иду куда-то я съ толпой (1885).

Всѣ эти сны разсказаны въ высшей степени реально, такъ что ими можно пользоваться при научномъ объясненіи сна.

ПОПРАВКИ.

Въ 1 вып. „Этюдъ“ гл. V стр. 58 Посланіе Пушкина къ Ө. Глинкѣ помѣчено 1816 г. Должно быть: 1823 г.

Во 2 вып. гл. IX нап.: показываетъ; должно быть: указываетъ; гл. X: Masfero; должно быть: Maspero.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2-го выпуска.

Предисловіе	1
VII. Сонетъ („Суровый Дантъ“).	3
VIII. Кто знаетъ край	12
IX. Казакъ	22
Народныя пѣсни объ увозѣ дѣвицы женатымъ чело- вѣкомъ.	
X. Гусарь.	28
Народныя сказки о полетѣ вѣдьмъ.	
XI. Аріонъ.	38
XII—XIV. Дорожныя жалобы. Чудный сонъ. Стансы: Бро- жу ли я.	46
XV. Стихи, сочиненные ночью	59
XVI. Стихи о лампадѣ	70
XVII. Мадонна	76
XVIII. Романсъ: „Жиль на свѣтѣ“	79
Дополненіе къ статьѣ о „Сонетѣ“ и двустистиѣ „На пере- водѣ Иліады“	86
Дополненіе къ статьѣ объ „Аріонѣ“	88
Дополненіе къ статьѣ о „Стихахъ сочиненныхъ ночью“	89
Поправки	89
